Лена Летняя
Невеста Смерти

Лена Летняя

Невеста Смерти

Серия «Ложные боги», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36075297
Невеста Смерти:

Аннотация

Юная Линнея едет в Северные земли в замок жениха, которого не видела ни разу в жизни. Он схоронил уже двух жен, и она отчаянно надеется найти способ разорвать ненавистную помолвку. От этого зависит ее жизнь, ведь последняя жена не прожила с ним и месяца. Теперь ее дух является Линнее и просит помочь. Но что та может сделать? Ей бы спасти себя, ведь чужой край, где правит Бог Смерти, таит в себе немало опасностей, а в мрачном замке жениха так трудно понять, кто друг, кто враг, а кто – ее судьба.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	36
Глава 5	51
Глава 6	64
Глава 7	78
Глава 8	88
Глава 9	111
Глава 10	123
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Лена Обухова
Невеста Смерти

Глава 1

Впервые я увидела ее в зеркале, когда стояла перед ним в будущем подвенечном платье, замерев подобно статуе. Швея и ее помощница подкалывали булавками пока еще разрозненные куски ткани, а мои мысли в тот момент уплывали куда-то далеко. Я грезила о безмятежном будущем рядом с любимым человеком, поэтому хоть и смотрела на собственное отражение, в действительности не видела его.

Тогда-то в большом зеркале в полный рост на несколько секунд появилась она. Девушка – во всем моя противоположность. Бледное, как будто бескровное лицо, на котором выделялись большие карие глаза и темные круги под ними, длинные темные волосы, в беспорядке падавшие на плечи, черное платье с пышной юбкой. А ведь я в тот момент стояла перед зеркалом в белом, как у всех невест, пусть еще и незаконченном платье. Мою кожу всегда покрывал легкий загар, свойственный жителям Южных земель. Да и волосы у меня были светлыми, заметно выгоревшими на солнце, а глаза – серо-голубыми.

Видение появилось так внезапно и посмотрело на меня

так пронзительно, что я резко втянула носом воздух, непроизвольно дернулась. И тут же вскрикнула от боли, поскольку помощница швеи – еще совсем юная девица с круглым лицом и довольно пустым взглядом – неосторожно ткнула меня острой булавкой.

– О, простите, госпожа! – она испуганно прижала руки ко рту и виновато посмотрела сначала на меня, а потом на свою нанимательницу – женщину в годах, шившую мне платья всю мою жизнь, начиная с того, в котором меня благословляла Богиня.

Та тут же недовольно нахмурилась, отчего ее лоб изрезали глубокие морщины. Взгляд ее не обещал юной помощнице ничего хорошего, поэтому я поторопилась заверить обеих:

– Нет, ничего страшного. Я сама виновата, не стоило так резко шевелиться.

Я натянуто улыбнулась и швее, и ее помощнице, хотя то место, куда меня ткнула булавка, до сих пор горело огнем, а сердце бешено колотилось от пережитого испуга. С болью мне удалось разобраться быстро: стоило приложить ладонь к боку прямо поверх платья – и остальное моя природа сделала сама.

Снова посмотрев в зеркало, я обнаружила, что в нем теперь отражаюсь только я. Это помогло немного унять сердцебиение, но неприятное предчувствие лишь разрослось в груди. Я не понимала, откуда в обычном – не зачарованном! – зеркале могла взяться какая-то незнакомка, и это нервиро-

вало.

– Жаль, что вы не можете так же быстро и легко удалить пятно, – вздохнула швея, которая сразу поняла, что именно я сделала, приложив к больному месту ладонь.

Я посмотрела на платье: на белой ткани отчетливо виднелось пятнышко крови. Небольшое, но заметное.

Да, почему-то выводить пятна моя магия не умеет, о чем я и сама порой жалею.

– Снимайте его, Нея, – велела швея. – Думаю, если заняться пятном прямо сейчас, то следа не останется.

– Ох, не к добру это, – пробормотала молодая помощница, пока они обе помогали мне снять ненадежную конструкцию из соединенных булавками лоскутов. – Говорят, кровь на подвенечном платье – это к беде.

– Да помолчи ты, – шикнула на нее швея. – Не мели языком, так беду и то проще накликать.

Я сделала вид, что не услышала их болтовни. Дочери жреца Богини Виты не пристало обсуждать деревенские суеверия. Я в них и не верила никогда, но в тот день мои убеждения подверглись серьезному испытанию.

Не прошло и получаса после того, как швеи удалились, заверив, что к следующей примерке пятно будет выведено, а меня уже вызвал к себе отец. В самом этом факте не было ничего страшного, но когда я вошла в его кабинет и увидела выражение лица, то я сразу подумала и про таинственную бледную незнакомку в черном, померещившуюся мне в зер-

кале, и про пятно крови на белоснежной ткани.

Мой отец – добрейший человек, который всю жизнь холил, лелеял и баловал меня. С самого рождения я была его любимицей, его принцессой. Даже мама – да будет Богиня добра к ней в своем чертоге – старалась вести себя со мной строже. Возможно, именно благодаря ей я не выросла капризной и избалованной… По крайней мере, мне так кажется.

На моей памяти отец лишь однажды посмотрел на меня с недовольством, граничащим со злостью. Примерно год назад, когда я ворвалась к нему в кабинет без приглашения и без стука, чтобы похвастаться… то ли новым платьем, то ли украшением. Он в тот момент сидел на небольшом диванчике у окна и читал письмо. Перед ним стояла открытая шкатулка со стопкой других писем, и, видимо, их содержание его не радовало. Тогда он резко захлопнул шкатулку и спрятал письмо в складках простой белой мантии, которую носили жрецы его уровня. И посмотрел на меня этим взглядом, от которого мне захотелось сжаться в комок и убежать подальше.

Он потом быстро отошел и даже попросил прощения за то, что напугал меня, но тот случай я запомнила. И старалась больше не врываться в его кабинет. Даже сейчас постучалась и дождалась разрешения войти, хоть он и ждал меня.

Но как только я переступила порог, меня обдало холодом и сердце почти замерло в груди от неприятного воспомина-

ния. Отец сидел на том же диванчике, держал в руках лист бумаги, а когда я вошла, поднял на меня почти такой же взгляд.

Слова застряли в горле, а по спине пробежала волна неприятных мурашек, но взгляд отца уже смягчился и из недовольного стал виноватым. Всего через пару минут причины таких метаморфоз стали мне понятны.

– Но это невозможно! – в ужасе воскликнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Это должно быть шуткой. Просто обязано быть шуткой! – Я помолвлена. У меня свадьба через месяц. Как может кто-то сейчас просить моей руки?

– Помолвка – это не брак, – возразил отец с тяжелым вздохом. – В этом случае она тебя не защитит.

– Так ведь ему же еще полгода носить траур. Как минимум. К тому моменту я буду замужем.

Отец сокрушенно покачал головой.

– Нея, он *уже* попросил твоей руки. Я должен ответить сейчас. Он верховный жрец Некроса, Нея. Глава последнего Дома, поклоняющегося Богу Смерти. А я всего лишь младший жрец. Я не могу отказать ему, понимаешь?

Я не понимала. Не хотела понимать. С тех пор, как я повзрослела и вопрос замужества начал меня волновать, отец твердил мне, что никогда не станет меня ни к чему принуждать. Что я буду сама выбирать себе мужа. И я выбрала. Выбрала сердцем. Мне повезло получить в ответ взаимность, и последние несколько месяцев я готовилась к свадьбе, бы-

ла счастлива и фантазировала о том, какой будет моя жизнь. Представляла себя женой, придумывала имена детям…

И вот теперь все рушилось из-за того, что верховный жрец Некроса, который едва ли видел меня хотя бы раз в жизни, который женился чуть больше месяца назад и потом внезапно похоронил молодую супругу спустя всего четыре недели, вдруг решил, что я должна стать его следующей женой. Это было дико и не укладывалось у меня в голове.

– Папа, откажи ему, – мой голос прозвучал жалобно, умоляюще, но сейчас мне не было за это стыдно. Я вцепилась в руку отца и просительно заглянула в глаза. – Он старый и страшный. И дважды вдовец. А я люблю Роана, я должна стать *его* женой.

Отец высвободил руку и сжал мои плечи. На его лице все еще было написано сочувствие, но по его глазам я видела, что он уже все решил.

– Я не могу ему отказать, – повторил он. – Тебе придется выйти за него. Я не могу отказать Торрену Фолкнору только потому, что уже обещал тебя какому-то военному. Он оскорбится. Проклянет наш Дом: меня, тебя, твоего брата, твоего жениха, всех приближенных к нам, включая слуг. И ты можешь догадаться, что проклятие будет смертельным. Никто нас не защитит и не призовет его к ответу. Он родственник короля, он был его карающей дланью. Десятки людей могут погибнуть, если мы ему откажем.

С каждым его словом меня все больше сковывал холод, и

охватывало отчаяние. Часть меня понимала, что он прав: если мы обидим Фолкнора, он погубит всех, кто с нами связан.

– Но если ты ему не откажешь, погибну я, – дрожащим голосом озвучила я доводы другой моей части.

Отец долго смотрел мне в глаза, в его взгляде читались тоска и боль, и на мгновение надежда затеплилась у меня в груди. Однако секунду спустя он коснулся губами моего лба и тихо прошептал:

– Прости меня.

У меня перехватило горло, показалось, что я задыхаюсь. Злые слова, которые я ни разу не позволяла себе в адрес отца, жгли язык. Чтобы не дать им волю, я вырвалась из его объятий и бросилась бежать, не разбирая дороги от застилающих глаза слез.

Опомнилась и остановилась лишь у дверей зала обрядов. Вообще-то я не имела права туда входить без жреца – то есть без отца, но сейчас мне было все равно, даже если меня поймают. Меня только что фактически приговорили то ли к смерти, то ли к пытке длиною в жизнь. Что еще мне могли сделать?

Я дернула на себя тяжелую дверь, и она послушно отворилась. Может быть, я не могла распоряжаться собственной судьбой, но в моих жилах текла кровь жрецов, и я владела Силой, пусть и небольшой.

В зале обрядов было темно: ламп и окон здесь никогда не имелось, а свечи сейчас не горели. Их зажигали только

во время церемоний и ритуалов. Я оставила дверь открытой, чтобы свет из коридора немного рассеивал темноту.

То, что я искала, находилось в противоположном конце небольшого зала. Зеркало. Не обычное, вроде того, что стояло у меня в спальне, а зачарованное магией жрецов Четырех Богов. Его раму украшали символы древнего алфавита – основы языка Богов, на котором сейчас уже никто не говорил. Лишь жрецы могли прочесть его и понять. Я не могла, я не была этому обучена, но мне это и не требовалось.

Я коснулась раскрытой ладонью поверхности зеркала, вкладывая всю свою небольшую Силу в заклинание. Одно из немногих, которые я знала. Я хотела увидеть того, кто одним росчерком пера сломал мне жизнь.

Конечно, это было глупо: верховный жрец закрывался от наблюдения щитами. Но даже если я не могла посмотреть на него в реальном времени, то я могла заглянуть в прошлое. Связанное со мной прошлое. Год назад я первый и последний раз в жизни была в королевском дворце на большом праздничном балу в честь короля. Жрецы всех Четырех Богов на нем присутствовали. Наверняка был и он, пусть я на него тогда и не обратила внимания.

В этот раз зеркало без труда откликнулось на мою просьбу и показало мне того, кого я искала. Зря я думала, что мне от этого станет легче. Стало только хуже.

Он был стар. Не как отец, конечно, но все равно минимум вдвое старше меня. Я не назвала бы его лицо уродли-

вым, но и красивым оно точно не было. Оно было бледным, мрачным, угрюмым и… опасным. Может ли у человека быть опасное лицо? Наверное, может, если его выражение выглядит столь угрожающе. Светло-голубые глаза, странно сочетавшиеся с длинными черными волосами, смотрели на мир с неприязнью. Торрен Фолкнор был высок и, вероятно, хорошо сложен, держался, как и следовало жрецу его уровня, с достоинством, граничащим с высокомерием. Черная парадная мантия, расшитая серебряными узорами, скрывала фигуру, но в моем новом женихе чувствовалась сила. Меня это совсем не радовало, скорее, пугало.

Даже больше, чем верховный жрец, мое внимание привлекла его спутница. На ней тоже было черное платье. Я слышала, что в Северных землях, где правили жрецы Некроса, черный вообще был популярен. Выглядела она такой же бледной и измученной, как девушка из моего видения. Я не была уверена, что видела именно ее: не успела разглядеть и запомнить черты лица, но общий образ был пугающе похож.

Может, сегодня во время примерки теперь уже ненужного мне подвенечного платья я на мгновение увидела собственное будущее? Мое лицо побледнеет, волосы потемнеют, а потом я и вовсе последую в чертог Виты?

Мои ноги подкосились, и я осела на холодный каменный пол, закрыв лицо руками и стараясь дышать, хотя что-то тяжелое с такой силой давило мне на грудь, что воздух не мог пробраться в легкие.

Богиня, за что мне это? И что же мне теперь делать?

Я молила Виту о знаке, о подсказке, о помощи. И неожиданно она откликнулась.

Глава 2

Я услышала за спиной шаги, но не попыталась встать, даже не пошевелилась. Мне было все равно, кто застал меня здесь. Я ждала оклика, отповеди и приказа покинуть священное место, но человек молча дошел до первых рядов скамеек, на которых сидели свидетели во время обрядов, и сел на одну из них.

Я шмыгнула носом – в тишине зала звук эхом отразился от стен, получилось неожиданно громко, промокнула глаза подолом платья и обернулась. Хоть я и убеждала себя, что мне плевать, кто застал меня в столь неподобающем виде в запретном месте, я все-таки облегченно выдохнула, обнаружив на ближайшей ко мне скамейке Розу.

Роза – моя компаньонка. Так официально зовется ее место в нашем Доме. Ее приставили ко мне еще в мои четырнадцать, чтобы она сопровождала меня всюду. Отчасти она служила мне телохранителем, отчасти – наставницей в тех вопросах, с которыми я не могла обратиться ни к отцу, ни к брату. Я воспринимала ее как старшую подругу: Роза была почти на десять лет старше меня, но она всегда держала со мной почтительную дистанцию. Кроме таких вот случаев, когда я оказывалась в полной растерянности и отчаянии. Хотя за все время нашего знакомства это случилось от силы третий раз.

– Кого хороним? – насмешливо поинтересовалась она, скрестив руки на груди и довольно фривольно положив одну ногу на другую. Она могла себе это позволить, поскольку ходила в штанах и свободной рубашке, а не в платье, как я.

– Меня, – призналась я тихо и бросила быстрый взгляд на зеркало. К счастью, оно погасло, стоило мне потерять концентрацию, и теперь отражало только погруженный в темноту зал.

– Если ты и дальше будешь сидеть на каменном полу, то до этого точно дойдет.

Ее ворчливый тон заставил меня улыбнуться и подняться. Ноги в тонких чулках действительно уже начали неприятно стыть от соприкосновения с холодным камнем. Я села на скамейку рядом с Розой, горестно вздохнув.

– Так что случилось? – поинтересовалась она. – Я видела, как ты выбежала из кабинета отца, словно за тобой гонятся сумрачные.

– Он выдает меня замуж.

Роза немного помолчала, как будто ждала продолжения. Я чувствовала на себе ее взгляд, но сама смотрела только на собственные руки, нервно ломая пальцы.

– До сего момента я была уверена, что это хорошая новость.

– Это было хорошей новостью, пока он выдавал меня за Роана, – кивнула я. – А теперь я должна выйти замуж за Торрена Фолкнора.

– Верховного жреца Некроса? – уточнила Роза, и по ее тону чувствовалось, что она хмурится.

– Да.

– Неожиданно.

– А представь, каково мне! – воскликнула я и посмотрела на нее… наверное, с мольбой, словно она могла что-то с этим сделать.

– А ты за него не хочешь? – невинно вздернув брови, уточнила Роза. Я чуть не стукнула ее, но сдержалась. Такое поведение неприемлемо для дочери жреца.

– Конечно, нет! – я позволила себе только выразительный взгляд.

– Откажись, – невозмутимо предложила она, пожав плечами. Мой взгляд не произвел на нее никакого впечатления.

Если бы это было так просто!

– Таким людям, как он, не отказывают, – я покачала головой. – Да и не могу я, отец велит. Я не могу ему перечить. Ты же знаешь, я выбрала диадему.

С этими словами я отчасти машинально, отчасти демонстративно коснулась маленькой диадемы, украшавшей мою прическу.

– И не говори, что два года назад я не отговаривала тебя, – фыркнула Роза, посмотрев на нее.

Я и не собиралась. В наших землях девушке в шестнадцать лет давали выбор: остаться под крылом отца и братьев, перейдя потом под покровительство мужа, или выбрать неза-

висимость. За первое мы платили абсолютным послушанием, получая взамен пожизненное обеспечение. Все заботы о нашем комфорте брали на себя мужчины. Независимость давала возможность принимать собственные решения, распоряжаться своей судьбой, но за это девушка платила полной ответственностью за себя и свою жизнь. То, что в первом случае должно было стать приданым, моментально отдавалось в ее распоряжение. Эти средства можно было потратить на образование, аренду жилья или открытие собственного дела. Немногие, правда, решались на это в шестнадцать лет.

На церемонии нам подавали два подноса, символизировавшие выбор. На одном лежала диадема, на другом – острые ножницы. Если девушка выбирала покровительство мужчин, она надевала диадему и с тех пор носила ее всегда и везде, чтобы мужчины видели: она будет послушной женой. Если же девушка предпочитала стать хозяйкой самой себе, она распускала волосы и отрезала их. Под корень или лишь наполовину длины – значения не имело. В дальнейшем такая девушка могла стричься или совсем коротко, или носить волосы до плеч. Те, кто выбрал диадему, обычно носили волосы длиннее: до лопаток и ниже.

Сама Роза была пострижена почти как мужчина. Она никогда не говорила мне, почему сделала этот выбор, но когда я собиралась надеть диадему послушания, действительно пыталась меня отговорить. Я не воспринимала ее слова всерьез. У меня был добрейший отец, лучший в мире брат,

и я уже любила Роана и ловила на себе его ответные нежные взгляды.

– Как я могла знать тогда, что все так обернется? – пробормотала я, снова чувствуя, как перехватывает горло. – Все должно было быть иначе.

– Отказываясь от права решать за себя, стоит думать о худшем.

И не поспоришь. Но сейчас эта мудрость выглядела запоздавшей, а я искала ответ здесь и сейчас. Наверное, что-то такое отразилось на моем лице, потому что Роза внезапно предложила:

– Раз ты разочаровалась в диадеме, может быть, настало время ее снять?

Я резко повернулась к ней, глядя одновременно с надеждой и недоверием. Я никогда не интересовалась деталями традиции выбора, практически с самого детства планируя сделать его в пользу послушания.

– А можно?

– До того момента, как тебе стукнет двадцать, у тебя есть такая возможность, – кивнула Роза. – Правда, для этого надо кем-то стать.

– Кем?

Она пожала плечами и развела руками.

– Признанным мастером какого-то дела. Получить научную степень или специальность. В этом случае ты сможешь отказаться от прежнего выбора.

Я разочарованно фыркнула и откинулась на спинку скамейки. Нет, я была обречена, поскольку ничего не умела. Меня, конечно, учили определенным вещам. Читать, писать, считать, говорить на языках соседних государств, танцевать, ухаживать за собой, выбирать одежду, делать макияж и прически. Я даже умела готовить и шить, выращивать цветы и управляться с хозяйственными аппаратами-помощниками. А прежний папин шофер даже пытался научить меня водить автомобиль и уверял, что у меня хорошо получается. Однако все это не могло мне помочь. Это делало меня желанной гостьей в домах людей моего круга, готовило для жизни в качестве жены офицера королевской гвардии, но едва ли могло считаться достаточным обоснованием для снятия диадемы.

– На все это нужно учиться, – возразила я. – А у меня нет времени.

– Я слышала, Фолкнор недавно овдовел. Опять. Разве он не должен соблюдать траур весь следующий год, прежде чем сможет снова жениться?

– Он имеет возможность ограничиться половиной этого срока.

– Что тоже немало.

– Полгода? – я посмотрела на нее как на сумасшедшую. – Чему я могу научиться за такой срок?

– Магии, – заявила Роза с таким выражением, словно я не понимала очевидных вещей. – Нея, ты дочь жреца, у тебя есть Сила, а значит – есть фора! При желании и хороших

наставниках ты сможешь подготовиться к экзамену и за полгода.

– Где я возьму наставников? – я вскочила с места, потому что больше не могла сидеть. Мысли метались в голове в поисках решения, но натыкались на бесконечные возражения рассудка. – Отец сразу поймет, откуда такая внезапная тяга к знаниям. И не позволит.

Роза замолчала, насупившись, а я почувствовала, как встрепенувшаяся надежда снова медленно умирает. Однако через пару минут сосредоточенного молчания моя компаньонка озвучила новую идею. Еще более безумную.

– Я однажды слышала… примерно год или чуть больше назад, как твои отец и брат обсуждали то, что Фолкнор обучает магии талантливых молодых людей. При его Доме существует что-то вроде… школы.

Я перестала метаться, замерла напротив нее и посмотрела с недоумением.

– И что?

– Твой новый жених едва ли так хорошо разбирается в наших традициях, – Роза пожала плечами. – Напиши ему. Скажи, что хочешь до брака хотя бы немного узнать его. А чтобы соблюсти приличия, готова стать ученицей.

Я растерянно моргнула.

– Ты издеваешься? У меня осталось полгода терпимой жизни, а ты хочешь, чтобы я от этого отказалась? И сама сунулась в его логово?

Роза тоже поднялась, наши лица оказались на одном уровне, и я тут же испуганно сжалась. Когда она так смотрела на меня, я всегда пугалась.

– Если ты хочешь вернуть себе право решать за себя, то должна научиться принимать трудные решения. А не просто ждать у моря погоды. Да, ради свободы приходится рисковать. И иногда прыгать через пропасть, точно не зная, где у нее другая сторона и есть ли она вообще. Это трудно, это страшно, но порой необходимо. Ты можешь сидеть тут полгода и лить слезы, жалея и хороня себя. А можешь шагнуть навстречу страху и попытаться что-то изменить. Выучиться на магистра или выяснить, с чего вдруг Фолкнор решил на тебе жениться, заставить его передумать. Или просто настолько разочаровать его, что он сам от тебя откажется. Ну или… узнать его поближе и решить, что не так страшен сумрачный, как его малюют.

Судя по ее усмешке, мое лицо заметно перекосило. Но ее слова достигли цели. Для себя я признала, что моя компаньонка права: просто сидя дома и страдая, я ничего не изменю. Даже если я решу учиться тайком здесь, это не решит проблему с возможной обидой Фолкнора на отказ. А если мы начнем общаться, он, может быть, действительно передумает. Или мне удастся убедить его отказаться от этой затеи. Или хотя бы дольше носить траур.

Или я найду доказательства того, что две его предыдущие жены так быстро сошли в могилу с его помощью. Может

быть, от смертельного проклятия король нас не защитит, но покрывать убийцу ни в чем неповинных женщин не станет.

На месте я вполне могла придумать что-то еще. Главное – не сидеть сложа руки!

– Вот теперь это моя девочка, – хмыкнула Роза, разглядывая меня. Наверное, мое лицо опять изменилось.

Я постаралась улыбнуться. Теперь дело было за малым: мне всего лишь нужно обмануть верховного жреца и убедить Роана в том, что мое желание поехать в Фолкнор – не предательство наших чувств.

Глава 3

Сначала я решила заняться письмом Фолкнору. Во-первых, я подозревала, что это будет небыстро и непросто, во-вторых, боялась, что после встречи с Роаном моя решимость может пошатнуться.

Написание письма на десяток строчек превратилось в целую эпопею. Очень долго я не могла продвинуться дальше приветствия и обращения, а потом – никак не могла сформулировать свою просьбу.

Какого тона мне придерживаться? Дать ли понять, что мне его предложение – как петля вокруг шеи? Или же писать дружелюбно, чтобы не вызвать подозрений? Будить в женихе подозрения не хотелось, но и вводить его в заблуждение, изображая радость, тоже.

Смяв и отбросив в сторону очередной листок, я закрыла лицо руками и застонала в голос. С чего я вообще взяла, что смогу обмануть верховного жреца? Взрослого мужчину, который понимает в интригах гораздо больше, чем я?

Об этом редко говорили вслух и никогда не заявляли официально, но все знали, что несколько лет он был королевским убийцей. Король посылал его к тем, кого хотел покарать, но кого не мог достать законным и открытым способом. Фолкнор не оставлял следов, никто так и не сумел обвинить его ни в одном преступлении. Даже стражи порядка сосед-

них государств. Просто в домах, где его принимали и не могли не принять из-за его высокого происхождения, частенько кто-то умирал. Мы в Южных землях прозвали его Ангелом Смерти, а в других краях его называли просто Смертью. Смертью на службе Его Величества.

И вот я собираюсь обманом проникнуть в его замок и найти свидетельства того, что он, возможно, убил своих жен. Да я сошла с ума! Даже если он их убил, то едва ли оставил какие-то улики.

Глубоко вдохнув, я заставила себя взять новый лист бумаги и продолжить сочинять письмо, перечеркивая отдельные слова и целые абзацы. Вариант с получением звания магистра и снятием диадемы у меня все равно оставался. Как и надежда на то, что, узнав меня поближе, Фолкнор сам передумает.

За окном уже совсем стемнело, а звуки в доме затихли, когда я наконец отложила ручку и удовлетворенно выдохнула, решив, что в этом варианте письма ничего не хочу менять. Оно получилось лаконичным и сдержанным, уважительным, но отстраненным.

Многоуважаемый шед Фолкнор,

Я польщена вашим вниманием. Мне жаль, что у меня не было возможности лично познакомиться с вами ранее. Я понимаю, что вы сейчас носите траур, а потому мой визит в ваш замок в качестве невесты будет неуместен. Однако мне хотелось бы лучше узнать вас до того, как нас объеди-

нят священные узы брака. Я слышала, что вы берете учеников и обучаете их магии. Позволите ли вы мне приехать в качестве вашей ученицы? Я вас не стесню и не потребую много вашего внимания. Со мной будет моя компаньонка, что исключит любые кривотолки на наш счет, и все приличия будут соблюдены.

С наилучшими пожеланиями,

Линнея Веста

Вот так. Я обратилась к нему подчеркнуто уважительно, использовав обращение «шед»: так в наших землях называли верховных жрецов. Возможно, в Северных землях это обращение тоже было в ходу. Я также дала понять, что считаю его сватовство во время траура неприличным, но готова помочь ему сохранить лицо. И я никак не выдала свой интерес к обучению, просто прикрылась им для достижения другой цели.

Я понимала, что ждать две недели, за которые письмо и ответ на него пройдут по обычной почте, я не смогу. Изведусь от волнения и нетерпения. Да и каждый день, проведенный дома, я рисковала поддаться страху и передумать. Поэтому я тихонько сбегала в канцелярию, где в это время суток уже никого не было, и подложила письмо в стопку корреспонденции отца. Почта жрецов рассылалась с помощью магии, конверты перемещались по адресу в считанные секунды. Я была уверена, что согласие отца Фолкнор уже получил. Мне оставалось надеяться, что мое письмо ни у кого не

вызовет вопросов и уже утром до завтрака будет доставлено жениху.

Вернувшись к себе, я прошла в спальню и, не раздеваясь, повалилась на постель. Я чувствовала себя такой уставшей, что у меня не было сил даже собрать смятые листки, разбросанные по полу в соседней комнате. Сделать это было необходимо, чтобы никто из слуг утром не прочел мои черновики, но я не могла заставить себя подняться.

Я все думала о том, что нужно встать и пойти, а сама покачивалась на волнах полудремы, пока не провалилась в сон и не принялась там бродить по коридорам незнакомого замка. Это место разительно отличалось от дома, в котором я выросла. Здесь были узкие окна, крутые лестницы, темные коридоры, которые где-то скупо освещались электрическими лампами, а где-то – свечами. Я же привыкла к большому количеству панорамных окон в целую стену, пологим лестницам, широким коридорам и высоким потолкам. Большую часть освещения нам дарило солнце, которое светило почти постоянно, прерываясь лишь на короткие ночи. Тогда по всему дому и двору зажигались электрические огни.

Во сне меня преследовало чувство тревоги. Я то ли кого-то искала, то ли бежала от него. Возможно, я искала выход из угрюмого лабиринта узких коридоров, но с каждым шагом запутывалась в нем все сильнее.

Страх внутри нарастал, хотя я пока не знала, чего боюсь. Но вот я свернула в очередной безликий коридор и увидела

его: мужчину в темном плаще с капюшоном. Капюшон был надвинут на лицо так сильно, что его полностью скрывала тень. Однако я знала наверняка, что передо мной мужчина. Его выдавала фигура: внушительный рост, широкие плечи.

Незнакомец шагнул ко мне, а я испуганно попятилась назад. Расстояние между нами неумолимо сокращалось, поэтому я повернулась и бросилась бежать. Длинное платье и туфли на каблуках работали против меня, да и во сне порой становится невыносимо тяжело двигаться, но я упрямо стремилась прочь, с трудом переставляя ноги и чувствуя чужое дыхание у себя за спиной. Оно уже щекотало кожу на шее, шевелило вставшие дыбом короткие волоски на ней.

Я в панике толкнула подвернувшуюся на пути дверь, вбежала в комнату и тут же закричала, встретившись лицом к лицу с незнакомкой из моего видения. То же черное платье, темные волосы, бледная кожа. И чужое лицо. Она вновь смотрела на меня сквозь зеркальную поверхность, и мне потребовалось несколько секунд на то, чтобы понять: это же я! В этот раз в зеркале действительно отражалась я, но я не была собой. Я была ею.

Крик умер у меня на губах. Я забыла о преследователе и медленно приблизилась к зеркалу, вглядываясь в свое чужое отражение, касаясь руками лица. Девушка в зеркале послушно повторяла мои движения, но я все еще не могла поверить в то, что она – это я.

Я снова почувствовала движение за спиной, и мгновение

спустя в зеркале рядом со мной показался Торрен Фолкнор. Он был уже не в плаще с капюшоном, а в той парадной мантии, в которой я видела его сквозь зачарованное зеркало. Его взгляд обжег меня, а губы девушки в отражении шевельнулись.

– Помоги… – услышала я женский голос. Он звучал так тихо, словно говоривший был очень-очень далеко.

Но я не могла ей помочь. Мне стало так страшно, что я снова закричала, дернулась и… наконец проснулась.

Тяжело дыша, я села на кровати. Двери, ведущие из моей спальни на просторный балкон, были распахнуты, я видела, как ветер колышет тонкие занавески, но мне не хватало воздуха, я задыхалась. Даже во сне мой будущий муж пугал меня до паралича.

Постепенно я успокоилась и отдышалась, окончательно осознав, что я дома и пока что в безопасности.

Пока что. От этой мысли по спине снова пробежал холод.

Все тело казалось ватным, и мне ужасно хотелось лечь и снова уснуть, но я уснула прямо в платье, которое следовало снять. Следовало также умыться и навести порядок в комнате, то есть собрать и выбросить черновики писем, предварительно порвав их. Я надеялась, что пока буду все это делать, кошмар оставит меня, и остаток ночи я смогу проспать спокойно.

Я повернулась, чтобы слезть с кровати, и едва не закричала снова, увидев в углу комнаты бесформенную тень. Мой

преследователь из сна догнал меня в реальности?

* * *

Не знаю, почему я не закричала. У меня словно голос отнялся. Я лишь попыталась отползти назад, затаив дыхание. Но потом моргнула – и видение исчезло. На месте бесформенной тени оказался обычный человек в ночном халате. Мой брат.

Я шумно выдохнула, а он шагнул ко мне, вскинув руку в успокаивающем жесте.

– Прости, Нея, не хотел тебя напугать, – тихо повинился он, улыбаясь и садясь на кровать рядом со мной.

– Ты меня не напугал, – соврала я, стараясь успокоить быстро и неровно колотящееся в груди сердце. – Просто дурной сон привиделся. Что ты здесь делаешь?

– Да я вот… – он неловко пожал плечами, опустив на мгновение взгляд. – Ты кричала, я пришел убедиться, что все в порядке. Оказалось, ты спишь, и я понял, что кричала ты во сне. Как раз думал, стоит ли тебя разбудить… А ты уже и сама проснулась.

Я смутилась, бросив еще один взгляд на двери, ведущие на балкон. Наши с братом спальни находились рядом, и балкон у них был общий. Видимо, Корд тоже не закрыл двери на ночь: хоть осень уже и началась, ночи все еще оставались очень жаркими и душными, как и дни.

Неужели я так громко кричала?

– Что тебе снилось? – тем временем встревоженно спросил брат.

Мне не хотелось все это пересказывать, я уже собиралась просто отмахнуться, но почему-то не смогла. Тяжело вздохнув, я внезапно выложила ему все: и про преследователя в балахоне, оказавшимся Фолкнором, и про девушку, просившую о помощи. Я даже рассказала ему, что видела ее сегодня в зеркале еще до того, как узнала про нового жениха.

– Я как-то слышал легенду Северных земель, – после непродолжительного молчания поведал Корд. – О Невесте Смерти. Что-то о девушке, в которую в начале времен влюбился Бог Некрос. Деталей не помню, но смертной девушке любовь Бога Смерти стоила жизни. Якобы дух ее до сих пор бродит по Северным землям и является невестам. Увидеть ее – дурной знак.

Я подтянула колени к груди и обхватила их руками, чувствуя, как внутри разливается холод, и отчаянно пытаясь его прогнать. Брат заметил мою реакцию, лицо его помрачнело.

– Я пытался убедить отца отказать Фолкнору, правда пытался…

Я коснулась его руки, останавливая поток оправданий. Мой милый Корд хоть и был младше меня на год, но почему-то всегда считал, что обязан меня защищать от всех невзгод. Пару лет назад он начал активно расти и развиваться, потому в свои семнадцать выглядел уже как настоящий

мужчина, а до этого его попытки меня защищать смотрелись довольно забавно.

Корд замолчал и вздохнул, перехватил мою руку и сжал ее.

– Какая ирония, да? – он горько усмехнулся. – Мы, жрецы, считаемся привилегированным сословием. Даже младшие… Мы влияем на политику, на экономику, на умы и на души людей, но при этом не способны повлиять на собственную судьбу.

Я ободряюще сжала его руку в ответ. В прошлом году Корд впервые в жизни влюбился. Очень сильно, страстно, насколько я могла судить со стороны. Однако он отказывался делиться со мной подробностями, и вскоре я поняла почему.

Все жрецы так или иначе владеют Силой, но среди нас есть те, кого Богиня Вита отметила особо. Они-то и становятся верховными жрецами и возглавляют Дом. Они способны творить настоящие чудеса, им подвластна магия любого уровня сложности. Они могут вылечить или свести в могилу, могут создавать что-то из ничего, а могут разрушать, могут приманить удачу или проклясть навечно. Они могут защитить от сумрачных, остановить эпидемию, даже изменить погоду – до определенной степени. К ним идут простые люди и наместники короля, а порой обращается за помощью и сам король. Их дворцы стоят в крупных городах, залы обрядов вмещают сотни, а порой и тысячи человек. Они имеют деньги и власть, какие нам, младшим жрецам, и не снились.

Мы можем не так много, а потому живем не так шикарно и в основном в провинции, но простые люди и старосты небольших городов и деревень нас уважают и побаиваются. На уровне всего государства или даже отдельно взятой земли мы ни на что не влияем, но на уровне ближайшего города и его окрестностей власть имеем.

В одном поколении семьи богиня чаще всего отмечает только одного – старшего сына. Он становится верховным жрецом после смерти отца. Редко – очень редко! – она не отмечает никого, тогда Дом теряет свое значение, спускается на уровень ниже, а его «территорию» делят между собой другие Дома. Еще реже Богиня отмечает двоих, тогда Дом делится на два и делит свою «территорию» между ними. Другими словами, между жрецами постоянно происходит передел сфер влияния. И каждый младший жрец, которому не досталось милости Виты, лелеет надежду на то, что Великая Сила проснется в его детях. Шансы на это повышаются, если жрец женится на дочери другого жреца.

Мой отец, например, был вторым сыном, ему Великой Силы не досталось. Мать росла единственным ребенком в семье, но женщин Вита особой милостью не отмечает. У моего брата неплохие шансы на то, чтобы стать верховным жрецом. Если это случится, он сможет жениться по своему усмотрению, отец не станет ему указывать. Но пока Великая Сила в нем не проснулась, а это значило, что ему стоит присматриваться к девушкам нашего сословия.

Его избранница, как я поняла, была не из семьи жрецов, а потому отец запретил ему пока даже думать об отношениях с ней.

– У тебя хотя бы еще есть шансы, – я постаралась изобразить ободряющую улыбку. – А вот моя судьба, похоже, уже решена.

Брат посмотрел на меня как-то странно, не моргая. В темноте его глаза, такие же голубые, как и мои, казались черными. И невероятно взрослыми. Я вдруг поняла, что за эти два года брат перегнал меня не только в росте. Сейчас уже трудно было поверить, что он младше меня на год. Казалось, он стал старше лет на пять.

– Тебе выпал горький жребий, Нея, – тихо признал он. – Если тебе действительно является Невеста, то тебя, скорее всего, ждет та же судьба, что и твоих предшественниц. Но у тебя есть шанс выжить, Нея. Один шанс. Только один. Ты понимаешь, о чем я?

Я нахмурилась и хотела ответить, что не понимаю, но так и не смогла ничего произнести. Меня снова обдало холодом, когда смысл его слов дошел до меня.

– Что? Убить?

– Или ты его, или он тебя. Нея… – Корд наклонился ко мне, но я инстинктивно отпрянула. – Я думал сегодня об этом целый день. О том, что можно сделать. Как спасти тебя. Но больше ничего не пришло в голову. Не знаю, что он делал с предыдущими женами, но явно же ничего хорошего! В дру-

гой ситуации я бы может тебе сказал: стерпится – слюбится, надо просто приложить усилия, но Фолкнор не тот человек, с которым это может получиться. Если бы отец выдал тебя за кого-то из наших жрецов, то имело бы смысл попытаться ужиться с ним. Ужились же наши родители, хотя никто из них не хотел этого брака. И были счастливы, пока мама была жива. Но все, к чему прикасается верховный жрец Некроса, все умирает. Он отравлен силой своего жестокого Бога, она губит даже их самих. Почему, ты думаешь, их не осталось? Поэтому спасти себя ты можешь только одним способом.

Я смотрела на брата и не верила в то, что это говорит он. Ведь он знает, как наша Богиня карает убийц. Но в то же время что-то внутри меня предательски зашептало о том, что это тоже выход. Возможно, самый быстрый и простой, особенно, если план с обучением, получением звания магистра и снятием диадемы не увенчается успехом.

– Просто подумай об этом, – мягко попросил Корд, снова коснувшись моей руки. – У тебя есть время.

После этого я не смогла рассказать ему о своем плане. Я так и сидела на кровати, обняв колени и тревожно хмурясь, когда Корд встал, поцеловал меня в макушку и ушел к себе через балкон. Еще через несколько минут я все-таки встала и занялась разбросанными по полу черновиками письма и подготовкой ко сну.

Перед тем, как отправиться в постель, я снова поймала свое отражение в зеркале. К счастью, в этот раз там снова бы-

ла именно я. Мне вспомнились слова брата о Невесте Смерти. Действительно ли это она являлась ко мне? Если да, то почему она просила помочь? И почему я видела ее, как будто это была я?

И в тот же момент я поняла, что просто так и есть на самом деле: Невеста Смерти – это я. Если моего жениха называли Смертью, то как еще стоило теперь называть меня?

У тебя есть шанс выжить, Нея. Один шанс. Только один.

Я погасила лампу и забралась под тонкое одеяло. В комнате все еще было жарко, несмотря на открытый балкон, но меня заметно знобило.

Я уснула лишь тогда, когда начало светать, а потому поднялась поздно. К моему пробуждению ответ Фолкнора уже ждал меня.

Дорогая Линнея,

Я буду счастлив принять вас в качестве ученицы прежде, чем назвать вас женой. Однако ваша компаньонка может присоединиться к вам только в том случае, если собирается изучать магию вместе с вами. Для этого ей придется сдать вступительные экзамены. В противном случае я жду только вас. Даю вам слово, что все приличия в отношении вас будут соблюдены.

Торрен Фолкнор.

Глава 4

Условие Фолкнора едва не разрушило весь замысел. Роза не владела магией и никогда не училась ей. Сдать вступительный экзамен она ни при каких обстоятельствах не смогла бы. Или к этому пришлось бы готовиться дольше, чем длится любой траур. Это означало, что в замок верховного жреца Некроса я могла отправиться только одна. И даже у самой Розы, которая все это придумала, этот вариант вызывал заметные сомнения.

Мои отец и брат испытали настоящее потрясение, узнав, что я напросилась в ученицы Фолкнора, желая познакомиться с ним до свадьбы. Корд был категорически против и требовал у отца запретить мне. Однако тот возразил:

– Если сам Фолкнор дал согласие, то я запретить не могу. Это будет выглядеть так, будто я не доверяю его слову. Я бы не хотел обижать его этим. Но если Нея решит, что одна она поехать не готова…

И во мне словно что-то щелкнуло. Я вспомнила слова Розы о том, что мне нужно научиться принимать трудные решения. И хотя она сама уже сомневалась в правильности этого решения, я уверенно заявила, что поеду.

Теперь мне оставалось только поговорить об этом с Роаном.

– Лучше напиши ему письмо, – посоветовал Корд мрач-

но. – А его ответное письмо сожги, не читая.

– Почему? – удивилась я.

– Он не поймет, – пояснил брат. – И не простит.

Это предсказание показалось мне слишком пессимистичным, но Корд, очевидно, знал, о чем говорил. Наверное, сам через это прошел с той девушкой. Потому что он оказался прав.

Роан всегда казался мне самым светлым и самым добрым человеком из всех, кого я встречала. Ему безумно шел мундир королевской гвардии, а лицо, усыпанное веснушками, озарялось улыбкой каждый раз, когда я его видела. За все время я ни разу не слышала от него грубого слова, он при мне даже голос не повышал.

До этого дня. Он, конечно, уже знал от моего отца, что наша помолвка расторгнута: тот отправил ему записку еще утром, до того, как я проснулась. Поначалу его гнев и досада были направлены на отца, но как только я сказала, что отправляюсь в Фолкнор завтра же, чтобы изучать там магию, он замер, замолчал и прищурил светло-карие глаза, глядя на меня с подозрением.

– Вот как? – холодно уточнил он. – Не терпится поскорее упасть в объятия нового жениха? Боишься, что за полгода он может передумать и найти кого-то другого?

– Да нет же, у меня есть план… – попыталась объяснить я, но Роан вскинул руки, давая мне знак замолчать.

– Избавь меня от этого. Конечно, я все понимаю. Я с са-

мого начала не верил в то, что жрец отдаст свою единственную дочь за военного. Верховный жрец – партия гораздо более выгодная. Даже если это жрец Некроса!

Он сказал это с такой злостью и с таким презрением, что я почувствовала, как глаза защипали слезы обиды.

– Мне кажется, я не заслужила подобного тона!

– Действительно, – фыркнул Роан. – Ты ведь всего лишь обманула меня. Два года ты и твоя семейка водили меня за нос, ссылаясь на традиции жрецов вступать в брак только после совершеннолетия. А на самом деле вы просто ждали предложения получше! Держали меня как запасной вариант… Я верил тебе, Нея! А ты оказалась такой же лживой, как и все жрецы!

Я не выдержала: в тишине небольшого сада, разбитого во внутреннем дворе, где мы разговаривали, прозвучала звонкая пощечина. Наверное, в Роане говорили обида и горечь разбитого сердца, но мое сердце тоже было разбито! Вместо того, чтобы поддержать, Роан предпочел обвинить меня. Даже не выслушал толком…

После этого он ушел, не прощаясь, но зато так чеканя шаг, что эхо долетало до меня и после того, как он скрылся из виду.

Я обессилено опустилась на скамейку, безучастно глядя на крошечный пруд, по поверхности которого плавали водяные лилии – красивые, нежные и хрупкие. Обычно я любила на них смотреть, но сейчас их вид не радовал глаз.

На одно короткое мгновение мне показалось, что все бессмысленно. Зачем мне теперь стремиться к независимости, если мужчина, ради которого я собиралась бороться с новыми обстоятельствами, так легко предал меня? Не проще ли смириться с участью будущей жены Фолкнора? Однако внутренний голос – почему-то звучавший почти так же, как голос Розы – тут же воспротивился этим мыслям. Да, Роан предал меня тем, что не захотел даже выслушать, но я предать себя не имела права. Я твердо решила, что обязательно получу это проклятое звание магистра и разорву ненавистную помолвку! Тогда Роан увидит, как был несправедлив ко мне. И придет просить прощения!

Лишнего времени на сборы я тратить не стала и отправилась в Фолкнор уже на следующее утро северным полу-экспрессом. На нем можно было пересечь страну с юга на север всего за сутки с небольшим.

Роза вызвалась сопроводить меня до Колдора – небольшого города на севере, от которого до замка Фолкнор можно было добраться на автомобиле часа за полтора. О своих планах я, конечно, уведомила жениха, и он пообещал прислать за мной авто. Пока по нашей короткой переписке он производил довольно приятное впечатление, и это настраивало оптимистично: может быть, верховный жрец действительно не так страшен, как мы привыкли представлять? Может, с ним можно договориться?

Всю дорогу до Колдора Роза была не очень разговорчива.

Да я и не стремилась ее разговорить, все больше предпочитая смотреть в окно и думать. О Фолкноре, о Роане, о словах Корда.

Поезд выходил из Флоренса – ближайшего к нам крупного города – во второй половине дня, поэтому спать мы легли, едва преодолев границу с Центральными землями, а проснулись уже в Северных.

Я никогда не покидала родной городок и даже не знала, что всего в одном дне пути от нас мир так кардинально меняется. Чем дальше мы уезжали на Север, тем меньше красок оставалось за окном. Мы выехали из мира солнца, удушливой жары, сочной зелени и ярких цветов, запахом которых был наполнен воздух, а оказались в мире всех оттенков серого, в котором солнце пряталось где-то за плотными облаками, деревья стояли уже почти голыми, а земля чернела размытой дождями грязью. Даже трава, если она где-то и попадалась, не выглядела зеленой.

Отсутствие красок удручало меня, но главное испытание ждало впереди, когда мы с Розой вышли на платформу в Колдоре. Я знала, что на севере гораздо холоднее, чем у нас, поэтому с утра сменила легкое платье на длинную прямую юбку из плотной ткани и такую же плотную блузку, застегивающуюся под самое горло. Сверху перед выходом из вагона надела пальто, которое носила дома только зимой, обмотала шею шарфом. Я полагала, что во всем этом точно не замерзну, но первый же порыв ледяного ветра заставил меня

поежиться и почувствовать себя практически голой. Я обхватила себя руками, тщетно стараясь удержать выдуваемое ветром тепло.

Проводник помог Розе вытащить на платформу мои чемоданы, а я нашла взглядом человека, державшего в руках табличку с названием замка Фолкнор, и помахала ему рукой. Худощавый мужчина лет пятидесяти, а может быть и больше, лицо его было покрыто довольно глубокими морщинами, в темно-сером пальто из гораздо более плотной ткани, нежели у меня, тут же улыбнулся и подошел ко мне.

– Вы Линнея Веста?

Я лишь кивнула в ответ, потому что от холода меня трясло так, что за четкость речи я не могла поручиться.

– Меня зовут Карл, меня прислал за вами шед Фолкнор.

Что ж, по крайней мере, слово «шед» действительно было здесь в ходу. Карл тут же взял два моих чемодана и заверил, что автомобиль припаркован недалеко и он быстро вернется за двумя другими. А пока мы с Розой остались наедине. Поезд уже поехал дальше – его путь заканчивался еще дальше на севере, немногочисленные пассажиры, сошедшие в Колдоре, как и мы, тоже быстро разошлись, поэтому у нас была возможность спокойно попрощаться.

Всегда сдержанная и немного отстраненная Роза неожиданно сгребла меня в охапку и крепко сжала.

– Береги себя, Нея, – заметно волнуясь, попросила она. – Пиши мне. Если станет совсем плохо и тебе потребуется по-

мощь, напиши про дядю Таона.

– Какого еще дядю?

– Это на случай, если он будет вскрывать твои письма. Просто упомяни между делом дядю, и я пойму, что тебе нужна моя помощь. И я приду, обещаю. И вот еще…

Роза выпустила меня из объятий и наклонилась к небольшому саквояжу – единственному багажу, который взяла с собой в эту короткую поездку туда и обратно. Она достала из него небольшую плоскую шкатулку и на несколько секунд открыла ее, показывая мне содержимое. Тепло, которое едва-едва появилось у меня в груди после ее слов, моментально растаяло: в шкатулке на бархатной подложке лежал небольшой револьвер. Я испуганно посмотрела на уже почти что бывшую компаньонку, а она тут же захлопнула шкатулку и заговорила тихо и быстро:

– Он в полном порядке и готов к использованию: почищен, заряжен. Вся ваша магия – это, конечно, здорово, но пуля порой верней. Только имей в виду: достала – стреляй. Глаза не закрывай и подпусти к себе поближе, чтобы попасть наверняка, но недостаточно близко, чтобы можно было выхватить его у тебя из рук. Поняла?

Я рассеянно кивнула, зачарованно глядя на нее, но не пошевелилась, поэтому Роза сама засунула шкатулку в мой саквояж. И снова порывисто обняла.

В этот момент вернулся Карл, забрал оставшиеся чемоданы, и теперь мы пошли к автомобилю уже вместе, а Роза на-

правилась к небольшому вокзалу дожидаться обратного поезда.

Когда я подошла к авто, Карл уже уложил мои чемоданы в багажник и открыл мне дверцу.

– Госпожа Веста, – окликнул он, когда я собралась забраться на заднее сидение. – Если позволите… Мне кажется, вы одеты не по нашей погоде. Позвольте одолжить вам пальто.

На его лице были явно написаны смущение и неуверенность в своем предложении: захочет ли невеста верховного жреца надевать пальто простого шофера? Но меня било крупной дрожью, пальцы рук немели, поэтому я очень даже хотела. Когда тяжелое пальто, еще хранящее чужое тепло, легло мне на плечи, я с чувством поблагодарила Карла. Меня беспокоило, что сам он остался в брюках и свитере с высоким горлом. Черных, как и следовало ожидать.

– А как же вы?

– Я к нашей погоде привык, – заверил он с улыбкой.

После этого мы наконец сели, каждый на свое место: он за руль, а я – на заднее сидение прямо за ним.

Ехали мы долго. Я успела устать от тряски и однообразного пейзажа за окном: серое небо, черная земля, голые деревья. Пока мы ехали по Колдору, еще наблюдалось какое-то разнообразие. Хотя бы в архитектуре зданий, если не в цветовой гамме. Северяне, судя по всему, презирали яркие краски. Может быть, они им резали глаз так же, как меня

вгоняла в уныние эта одноликая серость?

На проселочной дороге смотреть и вовсе стало не на что, поэтому в какой-то момент я задремала. Проснулась от того, что машина резко дернулась, вероятно, попав колесом в яму.

– Простите, госпожа Веста, – повинился Карл, глядя на меня через зеркало заднего вида. – Местные дороги оставляют желать лучшего. Шед Фолкнор регулярно ругается с местными властями на их счет, но эти бездельники не боятся даже гнева Некроса.

Я улыбнулась в ответ на его улыбку, старясь незаметно размять затекшие мышцы. Посмотрела в окно: бескрайние, уже убранные поля, на которых кое-где пасся скот, сменились густым лесом. Деревья, тянущие голые ветки во все стороны, подступили к самой дороге. Казалось, они задумали недоброе и могут в любой момент схватить нас.

– Уже скоро приедем, госпожа Веста, – заверил Карл, продолжая поглядывать на меня в зеркало.

– Можете звать меня просто Нея, – предложила я.

Дома меня все называли так: и родственники, и друзья, и слуги.

– Красивое имя. И вы очень красивая. Вы ведь новая невеста шеда?

Я против воли нахмурилась, но тут же постаралась вернуть лицу нейтральное выражение. Не стоило демонстрировать пренебрежение к жениху – это было неприлично.

– Да, – лаконично ответила я, притворяясь, что вид из ок-

на меня крайне интересует.

– Что ж, ему можно только позавидовать, – бодро заявил Карл и добавил уже тише и печальнее: – Может, хоть с вами ему повезет.

После этих слов уже я попыталась поймать его взгляд в отражении, но Карл увлекся дорогой.

– А вы хорошо знали его последнюю жену?

– Ну как… – протянул он. – Я возил ее несколько раз. Славная была девушка.

– А что с ней случилось?

Карл долго молчал, сосредоточенно глядя вперед и бросая на меня взгляды лишь изредка. Наконец он мягко ответил:

– Не забивайте себе этим голову, Нея. Уверен, в этот раз шед ни при чем. А остальное не так уж важно.

– В *этот* раз?

Карл насупился и замолчал, а у меня в груди появилось неприятное и тянущее ощущение. Как предчувствие. Я хотела услышать ответ на свой вопрос, но в то же время боялась его. Однако Карл молчал, и я не решилась настаивать. Вместо этого спросила:

– Вы знаете легенду про Невесту Смерти?

– Конечно, – тут же оживился Карл, обрадовавшись смене темы. – У нас ее все знают. Очень романтичная, хоть и печальная история.

– Романтичная? – удивилась я.

– А вам не кажется романтичным, когда нечто столь грозное

ное, как Бог Смерти, влюбляется в обычную девушку? И больше того: когда нечто столь юное и светлое, как молодая девица, отвечает взаимностью? Полюбить Смерть непросто.

На этот раз он смотрел на меня достаточно долго, со значением. Так, что я даже смутилась и снова отвела взгляд. Тем более мы как раз преодолели лес, и по обе стороны дороги вновь протянулись поля. Мне показалось, что машина при этом поехала немного быстрее.

– Значит, это история о взаимной любви?

– Да, легенда о том, как появились жрецы, – кивнул Карл, теперь косясь в зеркало заднего вида чаще. – Они пошли от этого союза: бога и смертной женщины.

– Похоже, я слышала другой вариант этой легенды, – отозвалась я, с удивлением замечая, что мы действительно едем все быстрее и быстрее: с каждой секундой автомобиль на неровной проселочной дороге трясло и раскачивало сильнее. – Почему мы так разогнались?

– Не извольте беспокоиться, Нея, – попросил Карл, но голос его при этом прозвучал более чем взволнованно. – Просто туман сгущается.

Поскольку впереди все оставалось чисто и прозрачно, а Карл продолжал бросать встревоженные взгляды в зеркало заднего вида, я обернулась. За нами действительно сгущался туман: похожий на молочно-белый густой дым, он клубился над дорогой. Строго над дорогой. И хотя мы ехали на приличной скорости, туман… догонял нас. Не знаю почему, но

мне стало не по себе. Хотя что такого опасного могло быть в обычном тумане?

– Только это не обычный туман, – возразил Карл, и я поняла, что последним вопросом задалась вслух. – Приходящие идут именно в таком.

– Приходящие? – переспросила я, не понимая, о чем он говорит.

– Приходящие с туманом, – дрогнувшим голосом уточнил Карл. – Жуткие твари.

Я вглядывалась в туман, который казался все ближе, и наконец заметила в нем движение. Неясная тень, худощавая и долговязая, мелькнула и тут же исчезла. Потом в другом месте появилась другая. Мне было и страшно, и любопытно. Я затаила дыхание и закусила нижнюю губу, пытаясь разглядеть таинственных существ.

– Не бойтесь, Нея, – ободрил меня Карл, хотя из нас двоих по-настоящему напуганным выглядел именно он. Я толком не понимала, что происходит и чем нам это грозит. – Граница уже близко, а дальше им хода нет. Мы успеем. Надеюсь…

Это его «надеюсь» прозвучало не очень обнадеживающе. Туман тянулся к нашему авто, я завороженно смотрела на движение теней, которых становилось все больше, но мне так и не удалось разглядеть ни одного идущего… то есть приходящего. И я не понимала: если они идут, а мы едем, то почему они нас догоняют?

А потом мы вдруг проехали арку, просто арку, построен-

ную из черного камня прямо на дороге, и туман остановился, а потом начал таять. Карл облегченно выдохнул и сбросил скорость.

– Ну все, Нея, приехали почти.

Я заставила себя оторвать взгляд от постепенно удаляющейся арки и снова повернулась лицом вперед. Здесь по обе стороны дороги росли деревья, но уже редкие, одиночные. За ними было прекрасно видно то, что называлось замком Фолкнор.

Он не был похож на дворцы наших верховных жрецов. Трехэтажное здание из серого – кто бы сомневался? – камня с четырьмя колоннами посередине смотрело на нас десятками одинаковых окон. Между замком и нами блестел гладкой поверхностью, в опускающихся сумерках казавшейся черной, большой пруд. Дорога повернула, огибая и пруд, и замок, и стало видно, что у здания есть еще два крыла, которые смыкались, оставляя узкий въезд, и образовывали довольно просторный внутренний двор с большим фонтаном в центре. Воды в фонтане не было, зато его украшали довольно мрачные фигуры каких-то существ с перепончатыми крыльями и страшными мордами.

Карл направил автомобиль к широкой лестнице, у подножия которой уже выстроилось несколько человек в форме слуг. Перед ними стоял высокий пожилой мужчина с очень важным лицом и в обычном черном костюме. Скорее всего, распорядитель Дома.

Я выбралась из салона автомобиля и с благодарностью вернула Карлу пальто. Тот заверил, что займется моими вещами, ему на помощь уже спешил молодой человек в форме лакея. Он приветливо поклонился мне и переключил внимание на чемоданы, которые Карл уже доставал из багажника.

– Добро пожаловать в Фолкнор, госпожа Веста, – подчеркнуто вежливо, но при этом все равно как будто недовольно поприветствовал меня распорядитель. – Меня зовут Долорсдон. К вашим услугам.

Во внутреннем дворе не было такого ветра, как на платформе, поэтому я смогла поздороваться с ними нормальным голосом, но зайти внутрь дома мне все-таки очень хотелось. К счастью, распорядитель – имени которого я не запомнила с первого раза – сделал приглашающий жест в сторону лестницы, и мы вместе поднялись к массивным дверям, а мгновение спустя уже оказались в просторном и довольно искусно обставленном холле. В интерьере чувствовалась сдержанная элегантность вместо кричащей роскоши, которой грешили наши верховные жрецы. Я засмотрелась на вазы с композициями из засушенных цветов, на деликатную лепнину на потолке, плавно переходящую на стену.

– Линнея, вы приехали! – радостно окликнул меня довольно приятный мужской голос. – Как я рад наконец познакомиться с вами лично.

Я едва не подпрыгнула на месте и обернулась на голос, чувствуя, как сердце в груди замерло в ожидании знакомства

с моим новым женихом.

Глава 5

Мужчина, которого я увидела, обернувшись, оказался очень похож на шеда Фолкнора, каким я его видела в зачарованном зеркале, но выглядел все-таки иначе. Он был моложе и… светлее, что ли. Взгляд не тяжелый, а вполне приветливый, выражение лица более мягкое, улыбка на губах. Он даже показался мне красивым, в отличие от жениха.

Недоразумение решилось достаточно быстро, стоило незнакомцу подойти ближе и чуть склонить голову в приветственном поклоне.

– Ронан Фолкнор, младший жрец Некроса и младший брат нашего многоуважаемого шеда.

Я выдохнула. То ли облегченно, то ли разочарованно: с одной стороны, пугающее меня знакомство еще немного откладывалось, с другой – уж лучше бы этот Фолкнор был моим женихом.

– Я не знала, что у него есть брат, – призналась я, протягивая руку, которую Ронан тут же галантно поцеловал.

О Торрене Фолкноре всегда говорили как о последнем верховном жреце. Создавалось впечатление, что он вообще последний жрец Некроса. А на самом деле младшего жреца просто не учитывали. Нас часто не учитывают.

– Рада с вами познакомиться.

По его губам скользнула печальная улыбка, и он тихо за-

метил:

– Подозреваю, что эта фраза – всего лишь дежурная вежливость. Вы наверняка предпочли бы остаться в своем теплом солнечном краю и не знать никого из нас.

Я лишь пожала плечами и развела руками, не подтверждая и не опровергая его догадку. Ему такая реакция пришлась по душе, потому что его улыбка из печальной превратилась в одобрительную.

– Брат ждет вас у себя в кабинете, – сообщил Ронан, делая приглашающий жест в сторону лестницы. – Если вы позволите, я сначала провожу вас к нему, а потом – в вашу комнату.

Мы поднялись на второй этаж, прошли по плохо освещенному коридору, который вызвал во мне гнетущее и тревожное чувство узнавания, словно я бывала тут раньше. У двери в дальнем конце коридора Ронан дал мне знак остановиться и подождать. Сам он постучал и вошел в кабинет, оставив меня одну.

Я простояла несколько томительно долгих секунд в тишине и полутьме незнакомого дома, борясь с глупым и совершенно неуместным желанием убежать. Наконец дверь снова распахнулась, и Ронан пригласил меня войти.

– Линнея, позвольте представить вам моего брата, шеда Торрена Фолкнора, верховного жреца Некроса и вашего будущего супруга.

Мой будущий супруг в этот момент сидел за огром-

ным письменным столом, небрежно откинувшись на спинку кресла, больше похожего на королевский трон с картин художников прошлых веков. Он не встал при моем появлении, даже не пошевелился. Лишь холодные глаза, казавшиеся сейчас скорее серыми, чем голубыми, скользнули по мне сверху вниз и обратно. Похоже, шеду Фолкнору не понравилось то, что он увидел. По крайней мере, его лицо заметно скривилось, он прикрыл глаза и потер лоб ладонью, пробормотав:

– Милостивые Боги, совсем ребенок…

Мне показалось, что я краснею. То ли от обиды, то ли от смущения. А ведь я сама хотела его разочаровать, чтобы он от меня отказался. Мне стоило порадоваться тому, что я ему не понравилась, показалась слишком… юной. Но меня это почему-то не обрадовало. Наверное, взыграло врожденное самолюбие. Да и привыкла я к тому, что дома все мною восхищались, называли красавицей. Я действительно не вышла ростом, и лицо мое, наверное, еще выглядело слишком детским, но ребенком я давно не была. Если бы не Фолкнор с его предложением, через месяц я стала бы женой, а еще через месяц начала бы готовиться стать матерью. Мое детство осталось далеко позади.

– Шед… – одернул брата Ронан, отошедший чуть в сторону.

Сочетание вежливого обращения и укоризненного тона прозвучало очень странно, но Фолкнора это совсем не за-

дело. Он только немного выпрямился в кресле и попытался изобразить улыбку. Лучше бы он не пытался.

– Простите мою неучтивость, Линнея, – ровным голосом, в котором не слышалось и следа ноток раскаяния, попросил он. – Я ожидал, что вы будете старше.

Его недовольный вид и пренебрежительный, как мне показалось, тон меня разозлили. Смешавшись с волнением, эта злость на мгновение затмила мне разум. Иначе я не могу объяснить, почему вдруг ответила довольно резко:

– Я бы тоже хотела, чтобы вы оказались моложе, шед Фолкнор. Но не я выбрала этот союз.

Едва слова сорвались с губ, как я тут же пожалела о них. Ронан тихо рассмеялся, прикрывая рот ладонью, словно пытался скрыть неуместное веселье. Лицо жениха не дрогнуло, но черная бровь выгнулась так сильно, что ей мог грозить вывих. Если, конечно, физически возможно вывихнуть бровь.

Фолкнор неожиданно встал. Медленно, как будто через силу. Ножки кресла при этом громко проскрежетали по полу. Я инстинктивно отступила на шаг назад, когда жених двинулся ко мне, сверля холодным взглядом. Полы простой повседневной мантии, накинутой прямо поверх рубашки, развевались при каждом шаге.

Он подошел почти вплотную, я даже почувствовала едва уловимый запах, исходивший от его одежды. Незнакомый, но приятный. Фолкнор, конечно, был гораздо выше меня:

моя макушка едва доставала до его плеча. Но я все равно зачарованно смотрела ему в глаза, даже когда пришлось запрокинуть для этого голову.

Фолкнор долго изучал мое лицо вблизи, выглядя при том довольно отстраненно. Наконец его взгляд остановился на моей прическе.

– Красивая диадема, – заметил он как бы между прочим. – Я полагал, что в ваших землях она символизирует смирение и послушание. Мне говорили, что диадему выбирают девушки с кротким нравом.

Если я и не покраснела раньше, то это наверняка произошло теперь. Я отвела взгляд от его глаз и склонила голову, наконец понимая, почему выбор пал на меня. По крайней мере, отчасти. Его явно привлекала перспектива обретения послушной и кроткой жены. Оставалось понять, почему из всех дочерей жрецов, которые почти всегда выбирали диадемы, он решил сделать предложение именно мне.

Интересно, а если я не буду демонстрировать послушание и покорность, он откажется от брака? Если я буду дерзить и перечить ему, может быть, он решит поискать кого-то более кроткого?

План был хорош, если бы не одно «но»: когда Фолкнор стоял так близко, грозно нависая надо мной, и сверлил взглядом, я не могла вымолвить ни слова. Мне даже дышать рядом с ним становилось тяжело.

– Да, теперь это больше похоже на правду, – хмыкнул он.

И наконец отступил, резко повернувшись так, что полы мантии хлестнули меня по ногам.

– Раз уж вы приехали познакомиться, я полагаю, нам стоит иногда проводить время вместе. Но имейте в виду: я единственный верховный жрец в Северных землях, мое время дорого, поэтому развлекать вас нарочно я не намерен. Для начала поужинаем вместе. Не сегодня. Сегодня, полагаю, вы устали с дороги. Завтра. Поскольку вы приехали как бы учиться, я поселил вас в крыле, отведенном под школу, вместе с другими учениками. Долорсдон проводит вас ко мне завтра. Будьте готовы к восьми.

Говоря все это, он пересекал кабинет обратно к столу. Остановился, снова резко повернулся. Полы мантии колыхнулись и на этот раз на мгновение обвились вокруг его ног. В кабинете снова повисла тишина.

– У вас есть какие-то возражения или встречные предложения? Просьбы?

Я лишь отрицательно мотнула головой, боясь, что голос меня подведет, если я заговорю, и я буду выглядеть глупо и жалко.

– Тогда я вас больше не задерживаю. Ронан.

Он махнул брату рукой, указывая на меня, а сам сел на место и уткнулся взглядом в какие-то бумажки. Младший Фолкнор подошел ко мне, всем своим видом демонстрируя сочувствие и желание поддержать и ободрить.

– Идемте, Линнея, – тихо пригласил он, открывая дверь.

Я была только рада поскорее уйти, но на пороге неожиданно для самой себя обернулась и бросила на жениха быстрый взгляд через плечо. И тут же вздрогнула от пробежавшего по телу холодка: он смотрел мне вслед исподлобья, и это был самый пугающий взгляд из тех, что я когда-либо ловила на себе.

Фолкнор мгновенно опустил глаза, притворившись, что читает какой-то документ. Ронан деликатно подтолкнул меня в спину, и мы наконец вышли. Дверь кабинета тяжело захлопнулась за нами.

Только оказавшись в коридоре, я облегченно выдохнула и заметила, как дрожат руки. Я, конечно, и не надеялась, что верховный жрец Некроса окажется славным парнем, но не думала, что находиться рядом с ним будет настолько тяжело. Дело было даже не в ужасе, который внушал мне пронзительный взгляд светло-голубых глаз, а в чем-то гораздо более тонком и менее заметном. Как некая аура вокруг него. Я почувствовала ее особенно остро, когда он подошел ко мне.

Однако жениху удалось вселить в меня не только страх, но и гнев. Его пренебрежительный тон, недовольные взгляды… Как будто я сама напросилась ему в невесты! Не нравлюсь? Так пусть расторгнет помолвку, я с превеликим удовольствием поеду домой. Свадьбы с Роаном теперь уже не будет, конечно, но я еще встречу кого-то другого.

Несмотря на все эти гневные мысли, меня мучил вопрос: почему я ему не понравилась? Чем?

– Не обижайтесь на Торрена, Линнея, – мягко попросил Ронан, неторопливо шагая рядом со мной по пустому коридору.

Я хотела возразить, что ни на кого не обижаюсь, но поняла, что все это время шла, сердито скрестив руки на груди и насупившись. Поэтому лишь предложила:

– Можете звать меня Нея.

Ронан кивнул и продолжил свою мысль:

– На самом деле мой брат не так плох, как может показаться на первый взгляд. К нему просто нужно привыкнуть. Быть верховным жрецом Некроса – тяжкое бремя. И делайте скидку на то, что он недавно похоронил жену. Опять.

Если первые заверения еще как-то могли примирить меня с поведением шеда Фолкнора, то последний аргумент вызвал только раздражение.

– Не пытайтесь убедить меня, что он скорбит, – я дала сомнению отразиться в тоне. – Они были женаты – сколько? Месяц? Он сделал мне предложение на второй день после ее смерти? Или на третий?

– Да, наверное, девушке в вашем возрасте это может показаться странным, – Ронан с пониманием покивал. – Но поверьте мне, Нея, мы все скорбим по Лилии. Пусть их брак не длился долго, Торрен был к ней очень привязан. Они знали друг друга больше года: она училась в его школе.

На это я промолчала. О том, что свою прежнюю жену Фолкнор знал не только до свадьбы, но и до обручения, я не

подумала. Мы как раз снова спустились в холл и пересекли его, свернули в еще один коридор. Если холл и даже кабинет Фолкнора выглядели неожиданно красиво и уютно, то коридоры в замке казались удручающе скучными и пустыми: только голые стены, пол, потолок и вгоняющие меня в тоску узкие окна, которые почти не давали света.

В молчании мы поднялись на третий этаж, где нам наконец повстречалась одна живая душа: в коридоре мы столкнулись с девушкой, которая несла в руках полотенце и небольшую сумочку.

Честно говоря, я едва не споткнулась на ровном месте, увидев ее. На ней были не просто штаны, таким меня не удивить, та же Роза всегда носила штаны, но это были очень узкие штаны из какой-то плотной ткани. Они до неприличия плотно обтягивали бедра. Это выглядело настолько необычно, что я едва смогла напомнить себе, что пристально разглядывать незнакомца – неприлично.

Девушка, прошедшая нам навстречу, такими предрассудками не страдала. Она не только откровенно пялилась на меня, пока мы сближались, но и не постеснялась обернуться нам вслед, не скрываясь. Я увидела это, бросив быстрый и максимально незаметный взгляд через плечо.

Ронан наконец остановился у одной из дверей, толкнул ее и пригласил меня войти. Видимо, это и была моя комната, поскольку тут стояли мои чемоданы. Я обвела помещение взглядом и с трудом подавила вздох. Здесь все выглядело го-

раздо прозаичнее, нежели в холле или в кабинете шеда. Узкая кровать, небольшой шкаф, письменный стол, скромный камин. Все очень просто и функционально, ничего лишнего или хотя бы красивого. И даже… Я с удивлением поняла, что второй двери тут нет.

– А где ванная комната?

– В конце коридора, – неловко признался Ронан. – Понимаете, для большинства наших учеников и такие условия выглядят вполне роскошно. Торрен посчитал, что раз вы приехали под предлогом учебы, то будет логично, если вы будете жить как остальные ученики. Но поскольку вы все-таки его невеста, дочь жреца и наверняка привыкли к другому, я постараюсь уговорить его отвести для вас спальню в нашей части замка.

Я вопросительно посмотрела на него, и Ронан пояснил:

– Все восточное крыло он отдал под школу, а остальная часть Фолкнора используется нами. Я имею в виду, нашей семьей и приближенными к дому. Так что я тоже живу там, сюда прихожу только на занятия.

– О, так вы мой будущий преподаватель? – обрадовалась я. Почему-то мне показалась очень завлекательной мысль о том, что мы будем видеться каждый день.

– Да, я преподаю искусство создания печатей.

Я только хлопнула глазами в ответ на это, поскольку не представляла, что такое «печати». Ронан заметил мое замешательство и сузил глаза.

– Как много вы знаете о магии, Нея? Вы ее изучали раньше?

Я смущенно пожала плечами.

– Знаете, у нас девушек, которые выбирают диадему, учат только быть достойной женой. Магии меня не обучали.

– Понимаю, – он снова тепло улыбнулся мне. – Тогда, полагаю, мы сможем обойтись без входящего тестирования. Я просто включу вас в начальную группу. Но даже они занимаются уже пару месяцев. Боюсь, вам придется нагонять программу.

– Я постараюсь справиться.

Кажется, мой ответ его удивил: Ронан тоже выразительно выгнул бровь. У него это получилось не так феноменально, как у брата, но тоже очень впечатляюще.

– Что ж, если потребуется помощь – обращайтесь, – предложил он. – По поводу комнаты я поговорю с Торреном…

– О, нет, не надо! – я даже замахала руками для убедительности. – Меня все устраивает. Раз уж я приехала *как бы учиться*, – я против воли передразнила тон шеда, чем вызвала у Ронана еще одну улыбку, – то должна жить вместе с остальными.

– Позиция, которая достойна восхищения, – кивнул он. – Завтрак у вас с восьми до девяти на первом этаже в столовой. В четверть десятого уже начинаются занятия. Дальше сориентируетесь. Если что-то будет непонятно, ищите меня, я подскажу. Сегодня я попрошу подать вам ужин сюда.

Он скользнул взглядом по чемоданам, нахмурился и уточнил:

– Прислать вам горничную в помощь? Вообще-то в их обязанности входит только уборка здесь раз в три дня, но для вас можно сделать исключение, я полагаю… Если вы хотите.

Я очень хотела. Я с трудом представляла, как размещу все привезенные вещи в этом крошечном шкафу, помощь профессионала мне бы пригодилась. Но я все-таки покачала головой. Независимость так независимость. Мне не хотелось принимать от шеда Фолкнора даже такую маленькую милость. Его поведение казалось мне странным. Может быть, он и хотел поставить меня в положение, когда я начну просить? Что ж, я не доставлю ему такого удовольствия.

– Я справлюсь сама.

– Тогда оставляю вас, – он снова изобразил вежливый поклон. – Если вам что-то понадобится…

– Я найду вас, – с улыбкой заверила я.

Он уже почти переступил порог моей комнаты, когда я все-таки набралась смелости и остановила его вопросом:

– Ронан, а что случилось с Лилией?

Он замер, улыбка моментально испарилась с его лица. На секунду мне показалось, что он сейчас, как и Карл, велит мне не забивать этим голову, но после недолгого колебания Ронан все-таки ответил:

– Она упала. С крыши. Трагическая случайность.

И после этого он торопливо ушел, пока я осмысливала его

ответ. Иначе я бы обязательно спросила: а что жена шеда Фолкнора могла делать на крыше? Однако Ронан ушел, задать второй вопрос я не успела, поэтому решила оставить его до нашей следующей встречи.

Сейчас же я снова обвела взглядом комнату и задержала его на чемоданах. Стянув с себя пальто, повесила в шкаф прежде всего его, а сама подошла к кровати и села на нее, стараясь осознать тревожный и вместе с тем очень волнительный факт.

Впервые в жизни я осталась по-настоящему одна. Без отца, без брата, даже без Розы. Отныне я никому не могла доверять и ни с кем не могла посоветоваться. Вокруг меня были чужие люди, чужие нравы, чужая земля со своими легендами, опасностями и обычаями. Мне предстояло сделать так много, но абсолютно не на кого было в этом опереться.

Теперь я сама по себе. И это пугало даже больше, чем пронзительный взгляд светло-голубых глаз нового жениха.

Глава 6

С чемоданами я провозилась весь вечер с перерывом на ужин, который мне подали в комнату, как и обещал Ронан. Есть за письменным столом было очень странно, да и еда оказалась непривычной, поэтому съела я не так много. Глиняный горшочек с мясом, картошкой и еще какими-то овощами лишь поковыряла: дома на ужин я обычно ем рыбу, а мясо, тем более такое жирное, вообще не очень-то люблю. Салата съела больше. И съела бы весь, если бы овощи были свежими, а они выглядели как-то приготовленными, и вкус у них был резким, не слишком приятным. Я привыкла к свежим овощам, которые лишь поливали ароматным маслом и слегка присыпали приправами. Зато хлеб и сыр пришлись мне по вкусу, невзирая на то, что тоже отличались от наших. Жаль только, что и того, и другого принесли мало.

Шкаф категорически не желал вмещать все мои вещи, а я далеко не сразу поняла, что большая часть привезенного мне здесь никогда и не понадобится. Даже в помещении здесь было довольно прохладно, что уж говорить об улице! Поэтому все легкое, тонкое, летящее и дышащее я отправила обратно в чемоданы, а в шкаф повесила только те вещи, что считались у меня зимними. Посмотрев на них, я с тоской задалась вопросом, что же буду делать, когда *здесь* наступит зима. Не выходить из замка на улицу, а по его коридорам

ходить в пальто?

Мне определенно требовался новый гардероб, но купить его сейчас было не на что: отец, конечно, дал мне денег на карманные расходы и пришлет еще, но несколько новых платьев и теплая верхняя одежда не вписываются в этот бюджет. Своим приданым я распоряжаться не могу, у жениха денег просить не стану даже под страхом смерти.

Я решила, что надо прямо написать отцу о том, что мои вещи не подходят для этого климата и мне нужны новые. Я пока ношу диадему и делаю вид, что исполняю его волю, а значит, он должен обеспечивать меня всем необходимым.

Спалось мне плохо. Я никак не могла прогнать из головы тревожные мысли, а еще не могла согреться, несмотря на огонь в камине и одеяло.

Утром меня разбудили голоса и шаги в коридоре, но встать я смогла не сразу. Чтобы вылезти из-под одеяла, потребовалось все мое мужество: камин к утру прогорел, и воздух еще немного остыл. Я надела самое теплое платье, но все равно мерзла, когда шла в общую ванную.

Вечером мне повезло здесь никого не встретить, но сейчас я нерешительно застыла на пороге, поскольку одна девушка там уже была. Я не привыкла умываться вместе с кем-то, поэтому не знала, стоит ли мне выйти и подождать своей очереди в коридоре или все-таки остаться здесь. Наличие нескольких раковин говорило о том, что умываться здесь принято всем вместе, но это выглядело для меня дико.

– Привет, – незнакомка улыбнулась. – Ты Линнея? Заходи, чего стоишь?

Я все-таки переступила порог и прошла к раковине, максимально удаленной от той, у которой стояла девушка. Что было бессмысленно, поскольку их было всего четыре, а незнакомка стояла у второй от входа.

– Ты меня знаешь? – удивленно уточнила я после дежурных приветствий.

– У нас нечасто появляются новенькие, – она пожала плечами. – Я имею в виду, после основного набора. Да и о тебе весь замок шепчется с тех пор, как стало известно о вашем обручении с шедом. Прямо во время его траура. Это необычно.

Я кивнула, соглашаясь, но больше никак не поддерживая беседу. Процесс умывания всегда казался мне достаточно интимным, все во мне сопротивлялось тому, чтобы делать это рядом с кем-то. Поэтому я лишь покосилась на девушку, пытаясь понять, долго ли она еще будет здесь. К моему удивлению, она тоже носила штаны. Не такие скандальные, как та девица, что повстречалась нам накануне, но все равно.

– Меня, кстати, Ирис зовут.

– Очень приятно, – я бросила на нее извиняющийся взгляд. Как же я забыла о таких простых правилах вежливости?

– А ты действительно всегда носишь эту диадему?

Я посмотрела на собственное отражение в зеркале. Воло-

сы я уложила и заколола еще до выхода из комнаты и диадему, конечно, тоже надела, но только сейчас поняла, что здесь такое, скорее всего, никто не носит.

– Да, такова наша традиция.

– Забавная традиция, – если бы не доброжелательный тон, я бы решила, что моя новая знакомая решила надо мной посмеяться. Ее темно-рыжие волосы были собраны в простую косу, она их ничем не украшала. – Наверное, шеда потянуло на экзотику, раз он решил взять жену издалека.

– Наверное, – согласилась я, на этот раз не удержавшись и поморщившись. После знакомства с Фолкнором скрывать свои эмоции по поводу предстоящего брака стало сложнее. – Но, может быть, еще обойдется…

– Хм, а ты не очень-то рада этому, да? – заметила Ирис.

Я не понимала, почему она не уходит. Она уже не умывалась, просто топталась у раковины и расспрашивала меня. Любопытство заело?

– Все это было очень неожиданно, – объяснила я. – Для меня. Я собиралась замуж за совсем другого человека. За молодого красивого парня, которого хорошо знала и любила… – я осеклась, вдруг вспомнив, что не все из этого оказалось правдой. Как выяснилось, Роана я знала не очень хорошо. Но говорить это Ирис было необязательно. – А потом я вдруг оказалась невестой шеда Фолкнора. Я еще не привыкла к этой мысли. Да и видела его всего один раз.

– Очевидно, теперь вы будете встречаться регулярно, –

Ирис улыбнулась.

Я мысленно умоляла ее поскорее уйти. Во-первых, меня утомили ее вопросы. Во-вторых, я хотела спокойно прочистить нос, а делать это при посторонних категорически не могла.

– Наверное, будем, – лаконично согласилась я, надеясь, что на этом ее вопросы иссякнут. Наивная.

– Я одного не понимаю: зачем тебе с нами учиться? Боишься, что если просто будешь жить здесь до свадьбы, то пойдут некрасивые слухи?

– А ты бы на моем месте не боялась? – на этот раз я ответила немного резче.

Судя по всему, Ирис наконец поняла, что я не очень рада ее присутствию. Она торопливо собрала вещи в небольшую сумочку и заявила:

– Да, пожалуй, ты права. Ладно, я пойду, не буду тебе мешать. Только не задерживайся здесь, а то завтрак скоро закончится, поесть не успеешь.

Интересно, а из-за кого я тут торчу уже лишних пять минут?

– Только знаешь, Линнея, – тихо добавила Ирис, уже взявшись за ручку двери и не глядя на меня. – Ты бы не демонстрировала так открыто, что брак с шедом тебе поперек горла. Здесь каждая вторая мечтает занять твое место. Многие только из-за этого сюда и приезжают. Они смирятся с выбором шеда, но если поймут, что ты им пренебрегаешь, могут

и отравить.

И после этого она стремительно вышла, я даже ничего сказать в ответ не успела. Так и замерла с зубной щеткой в руках, растерянно глядя на дверь.

Час от часу не легче! Мало мне забот, так меня еще и отравить могут. Это было уже слишком. Я даже почти не расстроилась, только нервно рассмеялась и покачала головой.

– Вот будет смешно, если меня отравит какая-нибудь ревнивая девица, влюбленная в шеда, пока я буду пытаться расторгнуть помолвку с ним, – сказала я своему отражению.

Однако отражение не находило это смешным. У девушки, смотревшей на меня из зеркала, были очень испуганные глаза. Поэтому я постаралась больше не встречаться с ней взглядом.

Интересно, а Лилия хотела выйти замуж за Фолкнора? Или он не оставил ей выбора? Может быть, она тоже демонстрировала пренебрежение? И кто-то из менее удачливых соперниц решил, что она не заслужила такого счастья, заманил на крышу и столкнул?

Я тряхнула головой, прогоняя эти мысли. Они никуда не могли меня привести. Быстро умылась, вернулась в комнату, чтобы положить на место умывальные принадлежности и полотенце, и поторопилась на завтрак, пока он действительно не закончился.

Непонятно только, как я буду есть среди тех, кто может в любой момент решить меня отравить.

* * *

Когда я вошла в столовую, разговоры за длинным столом, который стоял в центре просторного зала, моментально стихли. На меня посмотрели даже те, кто сидел спиной ко входу. Под взглядом минимум двух десятков пар глаз я почувствовала себя очень неуютно. Попыталась найти свободное место, но не смогла сразу этого сделать, поэтому продолжала топтаться у входа, не зная, куда направиться. Наконец я заметила Ирис, которая призывно помахала мне рукой, а потом показала на пустой стул рядом с собой. Что ж, может быть, она и любит совать нос не в свое дело, но сейчас я была благодарна ей за эту маленькую помощь.

– Доброе утро, – поздоровалась я с теми, кто оказался рядом со мной.

Меня в ответ поприветствовал нестройный хор голосов. Ученики, сидевшие на другом конце стола, почти сразу потеряли ко мне интерес и возобновили разговоры, а мои соседи пока предпочитали без зазрения совести разглядывать меня. Я же скользила взглядом по столу, по тарелкам с едой, пытаясь выбрать себе завтрак. На глаза попались жаренные яйца с беконом, какие-то жирные колбаски, сыр, хлеб. Кастрюля с неизвестным содержимым стояла слишком далеко, чтобы я могла в нее заглянуть. Как они едят все это на завтрак? Столько жира и никаких фруктов. В итоге я снова сде-

лала выбор в пользу хлеба и сыра, а Ирис сама налила мне из кувшина напиток, похожий на какао.

– Значит, ты Линнея Веста? – наконец заговорил парень, сидевший напротив меня. – Невеста шеда из южных земель, жрица Богини Жизни Виты?

Я подняла на него взгляд. Обычный парень: высокий, светловолосый, в черном свитере, в каких тут сидели многие, даже девушки. Наверное, в такой одежде холод меньше ощущается. Где бы раздобыть такой?

– Я дочь жреца, – поправила я. – У нас женщины не становятся жрицами, хоть мы и владеем Силой.

– Какая-то ты чумазая, – насмешливо прокомментировала девица, сидевшая чуть подальше.

Я не сразу узнала в ней ту, с кем мы столкнулись в коридоре накануне. Сейчас ее длинные черные волосы были собраны в высокий хвост, и это немного меняло образ. Темные глаза смотрели на меня с наглым вызовом, и было в них что-то порочное, словно ее поцеловал сумрачный.

– Это загар, – невозмутимо объяснила я, специально говоря так, как обычно разговаривают с неразумными детьми. – Случается с людьми в тех краях, где ярко светит солнце. Знаете, такой большой желтый шар, который висит в небе. Не знаю, видно ли у вас его когда-нибудь.

– Летом, – с улыбкой кивнула другая девушка, сидевшая рядом с темноволосой нахалкой. – То есть месяца полтора в год, иногда два.

Я с трудом удержала лицо от демонстрации ужаса, который охватил меня в тот момент. Если меня не отравят, не скинут с крыши или не убьет сам шед, я умру от нехватки солнца.

– Вот и вся загадка, – хмыкнул парень, сидевший рядом с Ирис. Мне было плохо его видно. – Ему надоели ваши бледные физиономии, поэтому он и нашел себе жену на юге.

– Не боишься выходить за него замуж? – тут же снова спросил парень, который начал разговор.

На этот раз я ничем не выдала своего отношения к предстоящему браку, решив не пренебрегать предупреждением Ирис. Я лишь приподняла брови в знак удивления.

– Почему я должна бояться?

– Говорят, у него ядовитое семя, – доверительным шепотом сообщил сосед того парня, и они оба рассмеялись. – Потому жены и умирают.

Я нахмурилась, поскольку не поняла, что именно означает эта фраза. Ее смысл дошел до меня лишь спустя несколько секунд. Я тут же почувствовала, что краснею, и опустила взгляд в свою тарелку. На юге молодые люди не позволяли себе такие комментарии в присутствии девушек. Однако здесь мое непонимание, а потом и смущение вызвали только еще большее веселье.

– Лилия упала с крыши, – напомнила Ирис. Одна из немногих, кому шутка не показалась смешной. – Шед тут ни при чем.

– Откуда ты знаешь? – тут же возмутился первый парень. – Может, она просто почувствовала, как оно ее травит, поняла, что ее ждет медленная, мучительная смерть, и решила закончить все по-быстрому?

– Да брехня это все, – томно фыркнула все та же темноволосая наглая девица, откинувшись на спинку стула. – Нормальное у него семя, такое же, как у всех.

– Ну, тебе-то есть, с чем сравнивать, – усмехнулась Ирис.

– А ты не завидуй так явно, – ничуть не смутилась темноволосая. – Лилии вашей надо было меньше с Ронаном путаться…

– Может, она тоже сравнить хотела? – со смешком предположил один из парней. – Как ты.

Еще несколько человек обменялись пошлыми комментариями на тему шеда, темноволосой девицы, Лилии, Ронана и меня заодно, но я очень старалась их не слушать. Мои щеки и так пылали от смущения и гнева, а остальных это только забавляло.

– Ладно, хватит, не будем смущать новенькую, – внезапно заявил парень, который все это начал. – Очевидно, девицы юга не привыкли к таким разговорам. Не будем портить шеду невесту. Зачем нам эти проблемы, да?

– Меня больше интересует, будет ли он устраивать праздник в ее честь? – задалась вопросом ученица, сидевшая с той же стороны стола, что и я, а потому для меня невидимая.

– Во время траура? – усомнилась Ирис. – Не думаю.

– Он всегда может сделать вид, что это школьный праздник, – снова оживилась девушка, сидевшая рядом с темноволосой девицей. – Мы-то его траур соблюдать не должны.

Из-за этого комментария я посмотрела на нее и успела заметить, что темноволосая сверлит меня неприятным взглядом. Она тут же отвернулась, но на мгновение мы посмотрели друг другу в глаза, и у меня мурашки по спине побежали.

– А что вам толку-то от этого? – поинтересовался парень, сидевший напротив меня. – Во время траура шед танцевать все равно не станет. А если станет, то только с новой невестой.

– Да хоть посмотреть на него, – мечтательно вздохнула какая-то девушка, сидевшая довольно далеко. – Постоять рядом, парой фраз перекинуться. А то в этом году он нас совсем забросил.

– А шед Фолкнор не преподает в школе? – осмелилась я подать голос, поскольку этот вопрос меня заинтересовал.

– Делать ему больше нечего, – фыркнул сидевший напротив меня парень. – У последнего верховного жреца есть дела поважнее.

– Но иногда он проводит отдельные занятия, – заметила Ирис.

– И как покровитель школы присутствует на важных мероприятиях, – добавила еще какая-то девушка, но я не успела уследить которая.

– На радость нашим соученицам, которые грезят о том,

чтобы стать женой верховного жреца, – хмыкнул один из парней.

– Но теперь-то ты разбила все надежды, поднявшие головы после смерти Лилии, – добавил его сосед.

– Глупости, – лениво возразила темноволосая. – Невеста – еще не жена. Фолкнору полгода траур носить. За это время *загар* с нее сойдет, и он поймет, что она такая же, как мы.

Неожиданно с резким скрежетом выдвинулся стул, один из парней, сидевших недалеко от меня, но до сего момента не участвовавший в общем разговоре, поднялся с места и бросил на темноволосую гневный взгляд. Все разговоры вновь смолкли, поэтому его слова прозвучали в гробовой тишине:

– Тебе-то все равно ничего не светит, Далия. Шеды не женятся на шлюхах. Они выбирают цветы свежие, нежные и хрупкие. Их, очевидно, приятнее растаптывать.

Выдав эту тираду, он стремительно зашагал к выходу и пару мгновений спустя исчез из виду. Тишина висела в столовой еще какое-то время, многие смотрели на темноволосую Далию, но та даже бровью не повела.

– Прям настоящая драма, – фыркнула она и спокойно продолжила есть.

Разговоры вокруг возобновились, а я все смотрела на дверь, за которой скрылся нервный парень.

– Это Вестар, – шепнула мне Ирис. – Он был влюблен в Лилию, но проиграл ее шеду. Что вполне понятно.

– А сама Лилия была влюблена в Вестара? – так же тихо

поинтересовалась я.

– Да кто ее знает, – Ирис пожала плечами. – Мы не были близкими подругами. Ухаживания его она поначалу принимала, но как только Фолкнор проявил к ней интерес, Вестар тут же был забыт. Пойми, мы тут все не из жрецов. Даже не из состоятельных семей. Детям, проявившим способность к магии, учителей нанимают из младших жрецов других земель. Или из обученных магов. Мы здесь по милости и на содержании у Фолкноров. Но как только отучимся, пойдем сами себе на хлеб зарабатывать. А стать женой верховного жреца – это же как в небесный чертог попасть. Никаких забот до конца жизни.

Да, только конец наступает удручающе быстро. Конечно, эту мысль я озвучивать не стала: мало ли, кто услышит. Но про себя подивилась: мне моя жизнь дороже комфорта, я уже пошла на определенные жертвы, чтобы иметь шанс на будущее.

Впрочем, я тут же напомнила себе, что не мне судить. Все, что я до сих пор имела, было нажито не мной. И если я опустила себя до условий школы Фолкнора, то для других, как сказал Ронан, эти условия были «роскошными». Какой же могла быть их жизнь до школы? Мне едва ли удалось бы представить. Если бы я жила так, может быть, тоже считала бы Торрена Фолкнора даром Богов? И верила бы, что именно я смогу прожить с ним долго и счастливо… Каждому ведь надо во что-то верить.

От этих мыслей меня отвлек звук гонга. Мои соседи по столу тут же зашевелились, поднимаясь со своих мест, и я поняла, что завтрак закончился, а я так ничего и не съела: только половину куска хлеба и маленький кусочек сыра. Торопливо допив какао, которое здесь было не сладким, как дома, а терпким, я поднялась вместе с остальными.

Мой первый учебный день ждал меня.

Глава 7

Первым занятием у нас оказалось то самое «Искусство создания печатей», которое преподавал Ронан Фолкнор. Это была первая и последняя хорошая новость за день.

Ронан выдал мне учебник, убедился, что мне есть чем и куда записывать лекцию и зарисовывать печати, а потом тихо порекомендовал:

– Не пытайтесь сразу все понять, Нея. Для начала просто фиксируйте то, что я рассказываю и показываю, и запоминайте, что получится. Мы потом назначим с вами несколько дополнительных индивидуальных занятий, чтобы я мог объяснить то, что вы пропустили. И вам понадобится подучить язык Богов, чтобы лучше понимать суть создания печатей.

Я кивнула, но в полной мере осознала его совет лишь во время занятия. По словам Ронана, наша начальная группа продолжала изучать простые печати, состоящие из треугольника, вписанного в круг. Оказывается, в прошлый раз они изучили, что может содержаться в центре такой печати, а сегодня собирались продолжить изучение областей, которые образовывались стороной треугольника и частью круга. Объясняя, Ронан постоянно ссылался на какие-то потоки Силы, о которых все, кроме меня, уже имели представление. Я же не понимала ровным счетом ничего, поэтому действительно старалась просто рисовать и писать, как он и посоветовал.

Сразу стало понятно и то, зачем потребуется учить язык Богов. Подобно тому, как символы древнего алфавита, начертанные на раме зеркала у меня дома, придавали ему волшебные свойства, так и в печатях вся магия заключалась в словах, вписанных в определенные области. И чтобы добиться нужного результата, требовалось знать эти слова.

Как раз этому нас и учили на следующем занятии, которое было полностью посвящено языку Богов. Его вел высокий блондин лет сорока, его лицо показалось мне смутно знакомым, но где и когда я могла его видеть, я так и не смогла вспомнить. Он вполне мог быть просто на кого-то похож. Правда, он тоже задержал на мне взгляд, как будто узнал, но мог ведь и просто заинтересоваться новым лицом, зная, что я невеста Фолкнора.

Его звали Луфр М*а*ри, и он оказался не таким приветливым и понимающим, как Ронан Фолкнор. Он тоже выдал мне учебник, а к нему еще и словарь, но по поводу пропущенного материала заявил лишь то, что я должна буду сдать ему зачеты по всем пропущенным темам. Список тем М*а*ри тут же набросал мне на листе бумаги, но по его тону я поняла, что изучать их мне придется самостоятельно.

В этот момент я очень пожалела, что раньше никогда не интересовалась языком Богов. Несмотря на то, что его символы окружали меня с детства. Почему я никогда его не учила? Корд учил, я могла бы учить его вместе с ним, но мне это не приходило в голову, а отец никогда не предлагал включить

это в мою программу. Считалось, что женщине, принявшей диадему, это не нужно. Теперь вся моя надежда была на то, что этот язык дастся мне так же легко, как и другие. Наше королевство граничило с тремя соседями, я учила язык каждой из этих стран и владела ими на вполне достойном уровне.

Однако уже через полчаса я поняла, что язык Богов куда сложнее языков людей. Здесь у меня возникли даже проблемы с записыванием слов, поскольку многие символы были так похожи, что в начертании нашего учителя выглядели почти одинаково. Он, конечно, зачитывал их при этом вслух, но мне это не помогало, поскольку ни букв, ни звуков, которые они образовывают, я не знала. Поэтому я просто записывала слова, как могла, порой впадая в отчаяние, понимая, что придется нагонять не только пропущенные темы, но и те, что буду проходить сейчас, поскольку все равно ничего не понимаю.

После второго занятия нас ждал длительный перерыв, включавший в себя обед. Я была уже очень голодна, поскольку то немногое, что я съела на завтрак, никак не могло питать мое тело долго. Однако вид супа, поданного нам в качестве основного блюда, напрочь отбил весь аппетит. Мясной жирный бульон, в котором лежало столько всего, что я не все ингредиенты смогла определить: снова картошка, какие-то бобы, овощи и большие куски мяса. Конечно, с жиром. Маслянистые разводы, плававшие по поверхности супа, вызыва-

ли приступы тошноты.

Пустой живот болезненно урчал, требуя еды, но то, что я видела перед собой, не воспринималось мною как еда. И от этого хотелось зареветь в голос, но я, конечно, сдержала себя, хотя ком в горле все же встал, а слезы успели защипать глаза. Слезы я сморгнула, ком – проглотила вместе с куском хлеба. Понимая, что на одном хлебе долго не протяну, я съела еще и салат из маринованных – как мне объяснила Ирис – овощей. Зачем так портить овощи, я пока не поняла, решила спросить позднее, когда мы будем наедине. Сыр в меня уже не лез, он здесь имел более плотную структуру и обладал более навязчивым вкусом, чем дома. Поэтому я заставила себя съесть некоторое количество супа. Хотя бы бульона и той части мяса, к которой не крепился жир. Мои соседи по столу тем временем с аппетитом съели все содержимое тарелок, а некоторые ребята еще и положили себе добавки.

Зато Ирис, которая, как оказалось, училась в школе уже третий год, обещала помочь мне с изучением языка Богов.

– Я не слишком хороша во всем остальном, – смущенно призналась она. – Уже второй год пытаюсь освоить продвинутый курс и подозреваю, что на высший меня все равно не возьмут, но зато язык я за это время выучила почти как родной.

Я была рада этой помощи. И было приятно в первые же дни обрести некое подобие подруги. Ирис была старше меня, она поступила в школу уже двадцатилетней, но после Розы я

не видела в этом проблемы. Мне даже нравилось, что у меня снова будет своего рода наставница.

В группе я пока ни с кем сойтись не успела. Начинающих было больше всего: со мной десять человек. Ирис объяснила, что некоторые отсеются еще в процессе обучения, другие уйдут после первого года, решив, что полученных знаний достаточно, чтобы прокормить себя. Из всей моей группы я успела познакомиться только с девушкой, которая на завтраке сидела рядом с Далией. Ее звали Келда, и у нее дивно хорошо выходило чертить печати.

После обеда нас ждало еще два занятия по одному предмету – простейшие зелья. Их нам преподавала женщина, что меня немного удивило. В наших землях женщины редко изучали дисциплины, связанные с магией, настолько глубоко, чтобы преподавать их. Но эта женщина носила платье, а не штаны, как большинство моих соучениц. Я сразу определила в ней высокое происхождение и родство с Фолкнорами: уж очень она была похожа и на Ронана, и на Торрена. Однако насколько близким окажется это родство, я и помыслить не могла.

– Меня зовут Сусанна Фолкнор, – сообщила она, вручая мне учебник. – Я мать вашего будущего мужа.

Я так растерялась, что только молча хлопнула ресницам пару раз, открыв рот. Я знала, что нужно как-то ответить, но все мысли предательски разбежались. Не ожидала я, что познакомлюсь с матерью шеда вот так, между делом, на заня-

тии. Но, пожалуй, она могла оказаться только его матерью и никем иным: такое же мрачное выражение лица, полное отсутствие улыбки, неприязнь во взгляде, светло-синие глаза и темные волосы. Интересно, в кого Ронан получился такой улыбчивый? В отца? В это трудно поверить, ведь тот тоже был верховным жрецом Некроса.

Я выдавила из себя какие-то дежурные фразы о том, как я рада знакомству, которые вызвали у нее лишь кривую ухмылку. И не слишком убедительно прозвучавшее заверение:

– Я тоже очень рада вашему приезду и вашему обручению с моим сыном.

Я попыталась изобразить улыбку и кивнуть, после чего поспешила занять свое место. У меня была надежда на то, что хотя бы на этом предмете я не буду чувствовать себя полным ничтожеством, ничего непонимающим в происходящем на занятии. Я готовилась стать женой военного, то есть моя жизнь предполагалась довольно простой, без штата слуг. Поэтому меня учили готовить, а процесс приготовления зелья мало чем отличался от приготовления еды.

Первая часть занятия – теоретическая – далась мне нелегко из-за отсылок к прошлым темам, но все же я понимала почти все. А когда мы перешли к приготовлению зелья по рецепту, я и вовсе расслабилась. Это было даже проще, чем приготовление пищи. Скорее походило на безумно долгое заваривание чая: мы все добавляли и добавляли какие-то травы в медленно кипящий на горелке котелок.

Все шло хорошо, пока мы не добрались до финальной стадии.

– А теперь – активация, – объявила госпожа Фолкнор и достала из шкафа за своей спиной плетеную коробку с крышкой, издающую подозрительный писк.

После этого она принялась обходить нас, запуская руку под крышку, доставая маленький комочек и вручая его каждому по очереди. Я видела, как передернуло Келду и как помрачнели лица других учеников, но пока не понимала, что происходит.

Наконец госпожа Фолкнор вручила маленький трепыхающийся комочек и мне.

– Держите крепче, а то улетит, – строго велела она.

И я обхватила маленькую летучую мышь двумя руками, потому что одна все норовила разжаться, чувствуя ерзанье крошечного животного. Сердце забилось вдвое быстрей от страха и дурного предчувствия.

Госпожа Фолкнор закончила обход и вытащила одну летучую мышь и себе, поскольку готовила зелье параллельно с нами. В другую руку она взяла нож, которым мы измельчали некоторые ингредиенты.

– Все просто, – спокойно сообщила она. – Отрезаете одним быстрым движением голову и тут же выдавливаете кровь в зелье. Только действуйте быстро. Не стоит мучить животное. Да и кровь будете терять.

Свои слова она сопровождала соответствующими дей-

ствиями. За ней повторили и остальные. Одна я осталась стоять, окаменев подобно статуе. Я чувствовала в руке трепыхание живого существа и не представляла, как отрежу ему голову и выдавлю из крохотного тельца кровь.

– Линнея, чего вы ждете? – недовольно поинтересовалась госпожа Фолкнор. – Еще немного – и время будет упущено, вы не сможете активировать зелье.

– Но я… я не могу… это сделать.

Госпожа Фолкнор раздраженно закатила глаза, стремительно подошла ко мне и забрала у меня летучую мышь. Взяв мой нож, она прижала мышь к доске, на которой мы все резали, и одним быстрым движением отсекла ей голову, а потом выдавила кровь в зелье.

– То, что мы здесь преподаем – это магия смерти. Она всегда требует жертву. Или привыкайте, или займитесь чем-то другим.

Я медленно кивнула, будучи не в силах оторвать взгляд от маленькой головы, оставшейся валяться на доске, и пятен крови. Госпожа Фолкнор бросила к ним еще и безжизненное тельце, и мне стало совсем не по себе.

Как закончилось занятие, я помнила плохо. Голова была занята безумными паническими мыслями, которые крутились в ней со страшной скоростью.

Бежать отсюда. Умолять отца не выдавать меня за Фолкнора. Или сбежать и обвенчаться с первым встречным, только бы не достаться шеду. Я не могу здесь находиться. Я не

смогу здесь учиться. Это была скверная затея, с самого начала обреченная на провал.

Я вернулась к себе в комнату, заперла дверь на задвижку и практически упала на кровать лицом в подушку, обессиленная и раздавленная.

Я замерзла. Проголодалась. Устала. Мне хотелось реветь, потому что я понимала: эта магия не для меня. Я даже летучую мышь не смогла убить, как я буду приносить другие жертвы? Почему я сразу не подумала о том, какую именно магию преподают в Фолкноре? Это же было очевидно.

Я чувствовала себя дурой. Никчемной дурой, которая возомнила, что сможет обрести независимость. Отчасти мне даже было стыдно за эти надежды, за намерения.

Через четыре часа меня ждал ужин с женихом, и это не добавляло оптимизма. Я едва ли смогу проглотить даже кусочек хлеба под его взглядом. Значит, опять голодать?

Я вдруг отчетливо поняла, что если останусь тут, то умру. От холода, голода или отвращения к *магии смерти*. Это не моя жизнь. Не мой путь. Все это должно оказаться дурным сном.

Но это не было сном. И умирать мне тоже не хотелось. Поэтому полежав какое-то время и пожалев себя, я встала, вытерла мокрые глаза, села за письменный стол, достала из ящика учебник языка Богов и словарь, которые положила туда во время перерыва, и раскрыла. Глубоко вдохнув, принялась всматриваться в закорючки, означающие буквы алфа-

вита. Я еще успевала поучить его до ужина с Фолкнором: там собиралась впихивать в себя еду, как бы ни смотрел на меня шед. А перед сном приму горячую ванну, чтобы как следует согреться.

Я уже прыгнула через пропасть, и законы природы не позволят мне вернуться назад. Мой единственный шанс – добраться до другого края.

А если его не существует, мне придется создать его из небытия.

Глава 8

На наш ужин жених опоздал на добрых четверть часа, если не больше. Все это время я просидела в столовой, превосходившей по размерам нашу школьную. Стол здесь тоже был ничуть не меньше того, за которым помещались все ученики школы. Место для шеда было накрыто, конечно, во главе, а для меня – по правую руку от него. Компанию мне составляли молодой лакей, кажется, тот же, что помогал Карлу с моими чемоданами, и бокал воды. Больше, естественно, в отсутствие Фолкнора мне ничего не подали.

К счастью, Ирис, заметив, что я не пришла на полдник, о котором просто ничего не знала, принесла мне в комнату стакан молока и пару жаренных лепешек из домашнего пресного сыра. Правда, это было уже давно, и я даже не помнила, как проглотила это все, поэтому уже снова мучилась от голода. Секунды тянулись для меня невыносимо долго. Я исподтишка разглядывала убранство столовой, вновь поразившее меня своей сдержанной элегантностью и уютом, и мысленно накручивала себя перед новой встречей с женихом, гадая, как он себя поведет. Других приборов на столе не было, а это означало, что ни Ронан, ни госпожа Фолкнор к нам не присоединятся.

Наконец двери распахнулись, и я вздрогнула. Сначала в столовую вошел Долорсдон, распорядитель дома, а потом

буквально влетел Торрен Фолкнор. Он шел так стремительно, что мантия жреца развевалась за ним, словно крылья, заставив меня вспомнить о бедной летучей мышке.

– Я прошу простить меня за опоздание, Нея. Возникли серьезные обстоятельства, вынудившие меня на время покинуть Фолкнор. Я надеялся вернуться вовремя, но задержался.

Он сел рядом со мной и залпом осушил свой бокал воды. Его движения были резкими, стремительными, вид – уставшим. Это позволяло надеяться, что он не соврал: действительно отлучался по делам и действительно торопился вернуться.

Интересно, кто научил его называть меня «Нея»? Скорее всего, Ронан.

– Ничего страшного, шед Фолкнор. Вы честно предупредили, что вы занятой человек.

Он покосился на меня, слегка изогнув бровь, словно мой ответ его удивил, но ничего не сказал. Нам как раз начали приносить еду, и от разнообразия закусок у меня глаза разбежались. Ужин хозяина дома разительно отличался от того, что подавали в школьной столовой. Здесь хватало и свежих овощей, и легких молодых сыров, и нежирного, тонко нарезанного мяса, и даже рыбы слабой соли. Мне потребовалось призвать на помощь все свое воспитание и самообладание, чтобы не накинуться на содержимое тарелки с непристойным энтузиазмом.

Фолкнора еда интересовала гораздо меньше, чем меня. Боковым зрением я видела, что он не столько ест, сколько медленно потягивает вино из бокала и поглядывает на меня. Но мне было наплевать. Первый раз за два дня я видела перед собой нормальную еду, и поскольку сам шед молчал, не торопясь инициировать разговор, я позволяла себе есть. И собиралась наесться и за прошедшие дни, и впрок, если получится.

– Приятно видеть, когда кто-то в моем присутствии ужинает с таким аппетитом, – наконец заметил Фолкнор, когда моя тарелка почти опустела. – Редкое зрелище.

Я торопливо прожевала то, что успела положить в рот, и максимально нейтральным тоном поинтересовалась:

– Ваше присутствие обычно отбивает у людей аппетит?

– Очевидно, немаловажную роль играет тот факт, что я известный на все королевство отравитель, – таким же нейтральным тоном ответил он.

Кусочек рыбы, который я пыталась проглотить в этот момент, встал поперек горла. Я непроизвольно замерла, почувствовав, как забилось сердце, исподлобья покосилась на жениха. У него было странное выражение лица: губы сжаты в прямую линию, но глаза при этом как будто улыбаются.

Я проглотила рыбу, откашлялась, незаметно сделала глубокий вдох, успокаивая сердце, и поднесла к губам бокал вина, давая себе время привести в порядок мысли и обрести контроль над голосом.

– Полагаю, вы обручились со мной и позволили приехать в ваш замок не для того, чтобы отравить меня.

– Конечно, – кивнул он. – А я полагаю, что вы очень голодны. Мне сказали, что вы плохо едите.

Даже не знаю, от чего я смутилась больше: от того, что не смогла скрыть голод, или от того, что он был в курсе моих проблем с питанием – незначительного, как мне казалось, для него обстоятельства. Интересно, кто ему сказал?

– Я понимаю, что наша еда для вас непривычна, Нея, – голос жениха прозвучал почти… мягко? – Но вам придется к ней привыкнуть. В нашем климате иначе не выжить.

Пока он это говорил, нам как раз подали основное блюдо. И если у него на тарелке лежал большой мясной стейк, сочившийся розовым, то мне принесли запеченную белую рыбу и поджаренные на огне свежие овощи. Другими словами, именно то, что я привыкла есть на ужин.

– Здесь не юг, большую часть года свежие овощи и фрукты – роскошь. Моя семья может это себе позволить, но я не собираюсь снабжать ими столовую школы. Рыба доступнее, но она не питает так, как мясо.

Он отрезал себе кусок стейка, и на тарелку полился розовый сок, да и мясо внутри оказалось красноватым, что называется «с кровью». Меня слегка замутило, поэтому я предпочла перевести взгляд на свою тарелку и смотреть впредь только туда, чтобы не портить себе аппетит.

– Жирная пища помогает нам не мерзнуть, – продолжил

Фолкнор лекцию, прожевав и запив мясо еще одним глотком вина. – Так что привыкайте, Нея. Вы нужны мне здоровой и сильной. Чтобы родить здоровых и сильных детей.

Я опустила нож с вилкой, снова посмотрев на жениха. Да, конечно, наследники.

– Значит, я вам нужна для продолжения рода? В этом весь смысл нашего брака?

– Разве не в этом смысл любого брака?

Он снова встретился со мной взглядом, вопросительно приподняв бровь. Она у него словно жила собственной жизнью, отдельной от него. Я дала себе время обдумать ответ, сделав еще один глоток вина, и все-таки призналась:

– До того, как вы появились в моей жизни, я считала, что в брак вступают, чтобы любить, уважать и заботиться друг о друге. По крайней мере, я думала, что у меня с Роаном будет именно так.

– С кем? – удивился он.

– Так звали моего прежнего жениха. Отец отказал ему, когда вы возникли на горизонте. Вы не знали?

– Я не интересовался его именем.

– А вы вообще чем-нибудь интересовались? – вырвалось у меня.

Он равнодушно пожал плечами, переключая все внимание на стейк.

– Нет. Зачем? Вы мне подходите, Нея. Остальное не имеет значения. Только скажите, мне ждать вызова на поединок от

вашего бывшего?

Он спросил это с плохо скрываемой насмешкой, и мне захотелось швырнуть ему в лицо содержимое тарелки и посмотреть на реакцию. Однако рыба и овощи были слишком хороши, чтобы так бездарно их расходовать.

– Нет. Он не жрец, простой военный. Он не может вас вызвать.

Фолкнор снова отвлекся от еды и вперил в меня свой пронзительный и прожигающий насквозь взгляд.

– Любой мужчина может вызвать другого на поединок, Нея, – строго заявил он. – Было бы желание. Да, я имею право не принять его вызов. Или сражаться нечестно, применяя магию. Но это будет свидетельством уже *моей* трусости. То, что он меня не вызвал, свидетельствует об одном: не очень-то вы были ему нужны.

Я снова почувствовала, как в горле встал ком. Я и так это знала, но получить напоминание в открытую, да еще и от него, оказалось вдвойне больно.

– Я и вам не нужна, – с горечью заметила я. – На моем месте могла бы быть любая другая. Вам ведь все равно и нет до меня никакого дела. Я вам даже не нравлюсь. Ни вам, ни вашей матери. Не понимаю только, зачем вам невеста из южных земель? Что, своих не нашлось *подходящих*?

На его лице снова промелькнуло удивление, смешанное с недоверием. С ответом он не торопился, я уже начала думать, что его и вовсе не последует, когда он наконец заявил:

– Не нашлось. У вас есть то, чего нет у моих землячек. Поверьте, я искал. Вы дочь жреца. У вас есть Сила. Наших жрецов почти не осталось. Только я, моя мать и мой брат. Ни на ком из них я не могу жениться. У девушек в Северных землях Силы нет. Некоторые стараются ее получить, но даже лучшим из них далеко до вас, хоть вы никогда не обучались магии. Ваша Сила с вами с рождения. Поэтому вы мне подходите. Ни ваши, ни даже мои желания в расчет не берутся. Нам обоим остается только смириться.

Теперь уже я достаточно долго молчала, непонимающе глядя на него. Зачем ему моя сила? Он и так верховный жрец, его старший сын наверняка будет отмечен Некросом и получит Великую Силу. Моя Сила, имеющая совсем другу природу, может только помешать.

Я хотела спросить об этом, но почему-то задала совсем другой вопрос:

– А как же Лилия? Она вам подходила?

Его приборы громко звякнули о край тарелки, в тишине столовой звук получился оглушающим. Я видела, как Фолкнор прикрыл глаза и сжал челюсти, борясь с какими-то эмоциями, но с какими именно – со стороны было не угадать. Всего пару мгновений спустя он откинулся на спинку стула и посмотрел на меня уже совершенно невозмутимым взглядом.

– Подходила. Она была редкой девушкой. Не имея в роду жрецов, по крайней мере, официально, она обладала врож-

денной Силой, достаточно большой.

– Вы проводили расследование того, что с ней случилось? – осторожно поинтересовалась я, внимательно следя за его реакцией. – Как она оказалась на той крыше?

– Она любила гулять на крыше, – отстраненно ответил он. – Я много раз предупреждал ее, что это опасно, но она меня не слушала.

– Но вы уверены, что она упала случайно?

Фолкнор так долго молча смотрел на меня, что я успела пожалеть о своем вопросе, но при этом тоже не отрываясь смотрела на него. Я была не в силах отвести взгляд от его глаз, словно он меня гипнотизировал. Наконец Фолкнор тихо выдохнул:

– Я этого никогда не утверждал. Впрочем… – добавил он уже громче. – Довольно о моей несчастной супруге. Вы ведь приехали сюда познакомиться со мной. Так вы написали в своем письме? Время идет, а вы пока не задали мне ни одного вопроса обо мне. Что бы вы хотели узнать?

Я растерялась и все-таки отвернулась. Почему-то мне не приходило в голову, что он спросит об этом так прямо. Я вдруг поняла, что у меня осталось еще очень много вопросов, но ни один из них не касался его лично. О чем я могла его спросить? Какой у него любимый цвет? Как он предпочитает проводить досуг? Спит ли он со всеми студентками в своей школе или у него есть какие-то критерии отбора?

Видимо, мое молчание затянулось, потому что он тихо

хмыкнул и прокомментировал:

– Вижу, что вопросов у вас нет. Я так и думал. Что ж, тогда я хочу узнать вас получше, раз уж вы здесь.

Он потянулся за бокалом вина, сделал большой глоток, неотрывно глядя на меня, пока я делала вид, что моим вниманием теперь владеет рыба. Или то, что от нее осталось. А потом он неожиданно потребовал:

– Снимите платье.

На этот раз мои приборы громко звякнули о край тарелки. Мне показалось, что я ослышалась, по крайней мере, очень хотелось на это надеяться. Я посмотрела на шеда, чувствуя, что сердце бьется быстро и неровно, а дыхание перехватывает.

– Что?

– Вы внезапно оглохли, Нея? – довольно грубо поинтересовался он в ответ. – Вроде до этого слышали меня прекрасно. Я прошу вас снять платье.

– Зачем?

– Как зачем? – бровь вновь взлетела вверх. – Я собираюсь на вас жениться и хочу посмотреть, что мне достанется.

Я против воли бросила растерянный и, наверное, испуганный взгляд на лакея и Долорсдона, которые стояли здесь же. И если на лице молодого парня еще отразилось какое-то подобие удивления, то распорядитель стоял с каменным лицом, как будто происходящее его совершенно не трогало.

Мой взгляд снова метнулся к шеду. Я старалась сохранить

внешнее спокойствие, но чувствовала, что начинаю дрожать, и это вполне могло быть заметно. Мне и так было холодно в моем платье, а теперь меня еще и нервная дрожь била.

Шед сидел, откинувшись на спинку стула и потягивая вино, и выжидающе смотрел на меня. Оставалось надеяться, что он не встанет и не заставит исполнить его желание силой. Едва ли я смогу ему сопротивляться: он выше ростом и сильней. И едва ли слуги вступятся за меня.

– Это категорически неприемлемо, шед Фолкнор, – я хотела сказать это твердо, но голос все же дрогнул. – Я не буду этого делать.

Его губы едва заметно скривились, в глазах появилось странное выражение, похожее одновременно и на презрение, и на удовлетворение. Он вдруг наклонился ко мне, заставив отпрянуть, насколько позволяла высокая спинка стула. Его взгляд снова скользнул по моей диадеме.

– А не так уж вы послушны, да, Нея? Может быть, это украшение в ваших волосах – лишнее? Оно вводит в заблуждение по поводу вашего характера.

Я больше даже не пыталась скрыть дрожь. Какой смысл? Все равно он наверняка видит и мой страх, и мою растерянность. И наслаждается ими.

– Мое послушание распространяется только на отца, брата и мужа, – слегка заикаясь, выдавила я. – Вы пока мне не муж, я не обязана вас слушаться. Вам придется дождаться первой брачной ночи. Тогда увидите все, что захотите. И

сможете делать со мной все, что захотите.

На мгновение выражение его глаз изменилось. В них промелькнуло уважение, но я решила, что мне показалось. Едва ли этот человек умеет испытывать подобное к женщинам. Или вообще к кому-либо.

– Знаешь, девочка, в чем беда твоего нынешнего положения? – вкрадчиво произнес Фолкнор, внезапно перейдя на «ты». В его тоне при этом появились нотки сочувствия, но я полагала, что они обманчивы. – Я могу объявить нас мужем и женой, не вставая с этого стула. В любой момент. Я верховный жрец этих земель. Единственный, а потому могу венчать кого угодно. Даже самого себя. И объявив тебя своей женой, я смогу дальше делать с тобой все, что захочу. Например, взять тебя прямо сейчас на этом столе в присутствии своих слуг еще до того, как нам подадут десерт. Независимо от того, как ты отнесешься к такой перспективе. Было очень опрометчиво с твоей стороны приехать сюда вот так. Одной, без сопровождающих, положившись лишь на мое слово. Рядом с тобой нет никого, кто заставил бы меня это слово сдержать. Ты либо очень смелая, либо очень глупая.

Я понимала, что он прав, поэтому мне стало так страшно, что даже замутило. Весь прекрасный ужин грозил позорно покинуть мой желудок, поэтому я потянулась за бокалом с водой, надеясь, что прохладная жидкость поможет унять это ощущение. Заодно это был хороший повод отвернуться от жениха. Слезы страха и обиды подступили к глазам, рука

дрожала, когда я брала бокал, и шед не мог этого не видеть. Я чувствовала себя в ловушке, в безвыходной ситуации, и озвученная им перспектива казалась такой реальной, словно это уже происходило со мной. Он меня пока даже пальцем не тронул, но я уже чувствовала себя униженной одними его словами.

– Вы правы, шед Фолкнор, – с горечью признала я, не глядя на него. Голос уже настолько не слушался меня, что слова прозвучали едва слышно. – Это было глупо. Было глупо считать, что все мужчины похожи на моего отца. Меня растили так же, как и всех дочерей жрецов, оберегая от неприглядной правды жизни. По наивности я решила, что слово верховного жреца на севере столь же нерушимо, как и на юге.

Ком, собирающийся в горле, мешал говорить, и я сделала еще один большой глоток воды, чтобы протолкнуть его. Глаза жгло, но я очень старалась не разреветься. Это наверняка доставит ему еще большее удовольствие.

– Теперь мне понятно, почему из всех возможных вариантов, из всех дочерей жрецов востока, запада и юга, вы выбрали меня. Девушку младше вас вдвое, опрометчиво выбравшую диадему, потому что мужчины, окружавшие меня, пока я росла, были добры, заботливы и любили меня. Глядя на них, я считала, что быть послушной дочерью, сестрой и женой будет легко и приятно. Я не подозревала, что однажды диадему обратят против меня. И посчитают, что она дает право поступать со мной, как душе угодно: запугивать,

угрожать, унижать, оскорблять. Да, вы можете объявить меня своей женой и сделать все, что вы озвучили. В соответствии с традициями моей родины, я вам слова поперек не скажу. И приму все.

Тяжело сглотнув, я заставила себя посмотреть на него, прежде чем задать последний вопрос:

– Но скажите мне, шед Фолкнор, неужели верховному жрецу Некроса нужно все это, чтобы почувствовать себя мужчиной?

На не слишком выразительном лице жениха появилось весьма растерянное выражение, которое плохо сочеталось с его общим обликом. Не ожидал такого ответа? Да я сама не ожидала. Видимо, ощущение безысходности придало мне сил и дерзости. Разве может со мной произойти нечто более страшное, что он уже пообещал? Не станет же он меня бить.

Фолкнор склонил голову набок и посмотрел совсем иначе. Потом он резко отстранился, снова садясь на стуле прямо и возвращаясь к прерванной трапезе с абсолютно невозмутимым видом. У меня появилось странное ощущение, как будто я только что прошла какую-то странную проверку, но ее результат мне был непонятен. Пока у меня появилась надежда, что этим вечером его женой я не стану.

– Вам разве пятнадцать? – неожиданно спросил шед между пережевыванием стейка. Я отметила про себя, что он вернулся к прежнему учтивому тону.

После его выпада продолжить свою трапезу я уже не смог-

ла, только потянулась за вином: от холодной воды сводило желудок.

– Нет, почему? Мне восемнадцать. В пятнадцать меня бы никто сюда не отпустил.

– Просто вы сказали, что вдвое меня моложе. А мне не так давно исполнилось тридцать.

Я недоверчиво покосилась на него. Почему он вдруг решил мне об этом сообщить? Да и какая разница, старше он меня на двенадцать лет или на пятнадцать?

Хотя в глубине души я вынуждена была признать, что это немного меня утешило.

– Вы выглядите старше, – осмелилась заметить я.

– Правда? Не задумывался об этом.

Я вдруг поняла, что он лжет: он прекрасно знает, что выглядит старше истинного возраста, и его это тревожит. Интересно, почему? Корд был даже рад, когда стал выглядеть старше меня. Может быть, это проходит с возрастом?

– Я понимаю, что не нравлюсь вам, Нея. – Это заявление Фолкнора огорошило меня еще сильнее. – Наверное, теперь и вовсе кажусь чудовищем?

На этот раз он вопросительно посмотрел на меня, а я окончательно растерялась. Фолкнор так резко перешел от угроз взять меня силой на обеденном столе к светскому тону и вполне вежливым расспросам, что у меня голова кружилась от такой перемены. Я не знала, чего ждать от него в следующую секунду.

Однако после того, как он показал мне, насколько я беззащитна в его замке, я парадоксальным образом перестала так сильно бояться. Как будто успела мысленно смириться с тем, что самое страшное в моей жизни вот-вот произойдет, и я ничего не смогу с этим сделать. И когда оно не произошло, я испытала что-то вроде эйфории.

– Шед Фолкнор, только не говорите, что все это время вы пытались мне понравиться, – осторожно попросила я. – Потому что если это так, то лучше вам действительно отравить меня на следующем ужине.

По его губам скользнуло некое подобие улыбки. Или кривой усмешки. Он сложил на почти опустевшей тарелке приборы, давая знак, что закончил трапезу. Я сделала то же самое. Чудесную рыбу, которую я съела лишь наполовину, было жаль, но после полученного стресса я уже не могла есть. Фолкнор обратил внимание на мое движение, как и на то, что я не доела, но ничего не сказал. Вместо этого он заверил:

– Нет, теперь я вас точно не отравлю. Потому что теперь вы мне нравитесь.

– Неужели?

Он снова склонил голову набок, едва заметно поморщившись, и махнул рукой, признавшись:

– Ладно, возможно, «нравитесь» – это слишком сильно сказано. Вы мне *интересны*. Вы не вписываетесь в схему. Либо вы очень смелая и гораздо умнее меня, либо очень глупая. Первое маловероятно, но и на дуру вы непохожи. Возможно,

все не так, как мне кажется. Я пока не понял, но мне стало очень интересно разобраться. И понять, зачем на самом деле вы приехали в Фолкнор.

Я почти не поняла его последние слова, но не стала ничего спрашивать. Вдруг, пытаясь выяснить, о какой схеме он говорит, я выдам истинную причину своего приезда? Кто знает, как он тогда себя поведет? Его угроза объявить нас мужем и женой в любой момент все еще звучала у меня в ушах, рисковать не хотелось.

– Полагаю, вы наелись, – продолжил Фолкнор, когда я так ничего и не ответила. – Десерт вас интересует?

Я покачала головой. Я всегда была равнодушна к сладкому, а сейчас тем более не смогла бы что-то съесть. Лишь большая корзина с фруктами, стоявшая на столе, заставила меня печально вздохнуть. Я планировала добраться до нее как раз в качестве десерта, но теперь мне хотелось только поскорее уйти. Идею попросить разрешения взять с собой яблоко или апельсин я сразу отвергла: я ведь твердо решила ни о чем его не просить.

Если шед и заметил мой вздох, то ничего не сказал. Лишь понимающе кивнул, досадливо нахмурившись. Он снова посмотрел на меня, но на этот раз его взгляд не прожигал насквозь. Или у меня просто выработался иммунитет?

– Может, хотя бы горячий чай? – предложил он. – Вы выглядите замерзшей.

От горячего чая я отказываться не стала: легкое искристое

вино, которое мне наливали, совсем не грело, а я действительно все время мерзла. Жених посмотрел на распорядителя дома, и тот кивнул, понимая безмолвный приказ. Наши тарелки убрали, стол принялись накрывать к чаю.

– Учитывая, что мы обручены, вам необязательно обращаться ко мне официально, – заметил Фолкнор, пока Долорсдон и лакей суетились вокруг нас. – Вы можете звать меня по имени. Даже по сокращенному, если вам так будет удобнее.

– Тор? – уточнила я.

– Рен, – поправил он. – Родители всегда называли меня Реном, а моего брата – Роном. Рен и Рон. Порой это приводило к путанице.

– Забавно, – осторожно прокомментировала я, не зная, что еще на это сказать.

– Обхохочешься, – с непередаваемой серьезностью кивнул он.

И это оказалось так похоже на шутку, что я не удержалась от улыбки. Однако лицо шеда осталось серьезным, поэтому я быстро подавила неуместное веселье.

– Боюсь, для меня это будет непросто, шед Фолкнор, – призналась я.

– Тогда как вам будет угодно, – пожал плечами он. – Мне без разницы. Просто мне нравится называть вас Нея, я подумал, что будет справедливо дать вам возможность обращаться ко мне соответственно.

– Вам нравится мое домашнее имя? – удивилась я. Это был второй почти комплимент от него за ужин. То есть он сделал мне на два комплимента больше, чем я могла рассчитывать.

Нам как раз подали чай. Фолкнор сделал несколько глотков, как будто давал себе время подумать. Наконец он заявил, глядя в свою чашку:

– Мою первую жену звали Линн. Поэтому имя Линнея мне не нравится. Я был рад узнать, что вы привыкли к имени Нея.

Его голос так внезапно охрип, когда он говорил это, что я растерялась. Насколько я знала, первый раз он был женат относительно давно, уже несколько лет назад. Тем более диким выглядело его третье обручение сразу после похорон второй жены. Но я не ожидала услышать в его голосе такие эмоции при упоминании первой.

Интересно, не стало ли мое имя еще одной причиной, по которой его выбор пал на меня? Линн, Лилия, Линнея. Может быть, ему и не нравится, что наши имена похожи, но вполне возможно, он сам неосознанно выбирает их.

Я ничего не стала на это отвечать. Разговор о Лилии привел к требованию снять платье. Мало ли что взбредет ему в голову, если я начну расспрашивать о Линн. Я предпочла сосредоточиться на чае, поэтому какое-то время в столовой царила тишина, нарушаемая лишь треском огня в камине да тиканьем больших настенных часов. Фолкнор оставался по-

гружен в какие-то мысли, а я просто радовалась тому, что он снова ведет себя цивилизованно. Большего я от него и не хотела. Его внимание меня пугало, а теперь и вовсе было для меня опасным.

Мне казалось, жених окончательно забыл о моем присутствии, когда он неожиданно сказал:

– Вам нужно одеваться теплее. Такие платья не подходят для нашего климата. Я так и так на вас женюсь, для меня важнее, чтобы вы ничего себе не застудили. Так что лучше одевайтесь практично, а не соблазнительно.

Я даже не знаю, что меня ошарашило больше: то, что его, помимо питания, волновал еще и мой гардероб, или то, что он считал мое платье соблазнительным.

Боги, он что, решил, что я так оделась, чтобы его *соблазнить*? От этой мысли кровь прилила к лицу.

– Это очень неожиданное заявление от человека, который несколько минут назад требовал снять платье и показать себя во всей красе, – нервно ответила я.

Фолкнор хмыкнул и посмотрел на меня. На его лице вновь появилось странное выражение, которое я уже видела в начале ужина. Если смотреть только в глаза, можно подумать, что он улыбается, но его губы оставались плотно сжаты в прямую линию. Лишь сам взгляд стал мягче и как будто… теплее? Или мне просто стало теплее от чая? Пожалуй, после сегодняшнего ужина мне и самой стал интереснее мой жених. Слишком странным и непредсказуемым он оказался.

– Одевайтесь теплее, – просто повторил он. – Когда время придет, я сам сниму с вас платье.

От этого обещания у меня мурашки побежали по спине. Рука дрогнула, и чашка, которую я как раз опускала, пронзительно звякнула о блюдце. Что ж, по крайней мере, он явно не имеет в виду, что это время придет сегодня.

– У меня нет достаточно теплой для ваших краев одежды, – призналась я, чтобы не позволить собственным мыслям уплыть в пугающем направлении. – Но я уже написала отцу письмо с просьбой прислать мне денег на новый гардероб. Его отправят с завтрашней почтой. Вас я буду вынуждена просить предоставить мне возможность его обновить. Вероятно, для этого следует поехать в Колдор?

Он кивнул.

– Карл вас отвезет, когда вам будет удобно. Я попрошу отправить ваше письмо с моей почтой, так будет быстрее. А еще быстрее будет, если вы поедете завтра же, я сам дам вам денег.

Я протестующе замотала головой.

– Нет, пока вы мой жених, а не муж, мой гардероб – не ваша забота.

Бровь снова дернулась, выдавая, что мне удалось удивить его еще раз, но тут же вернулась на место.

– Будем считать, что деньги вам одолжены до тех пор, пока отец не пришлет вам необходимые средства. Вам нужно хотя бы одно теплое платье. И белье.

Я смущенно кашлянула. Вот только обсуждать с ним нижнее белье мне не хватало! Фолкнор опять насмешливо покосился на меня.

– Хочу вам напомнить, что я уже дважды был женат. Кое-что понимаю в женском белье.

– Хочу вам напомнить, что я замужем пока не была, – не сдержалась я. – И обсуждать это с мужчинами не привыкла.

– Справедливо, – согласился он.

После этого мой жених поднялся, поскольку с чаем мы закончили, и я сделала то же самое. Мне еще следовало разобрать сегодня конспект по языку Богов с учетом знания алфавита. Стоило поправить все криво записанные слова и немного поучить их.

Мы вышли из столовой, но у ее дверей остановились. Здесь наши пути расходились, поскольку жили мы в разных частях замка.

– Что ж, доброй ночи, Нея, – пожелал Фолкнор, протянув мне руку. – Спасибо за компанию. Полагаю, нам стоит время от времени ужинать вместе. Чтобы *лучше узнать друг друга*, – последние слова прозвучали язвительно, но в них больше не чувствовалось угрозы.

Я вложила свою ладонь в его, но вместо того, чтобы поцеловать тыльную сторону, как было принято у нас на юге, Фолкнор только слегка сжал ее, чуть склонив голову. Пальцы у него оказались очень холодными.

– Доброй ночи, шед.

Он выпустил мою руку, еще раз окинул взглядом с головы до пят, покачал головой и, резко повернувшись и вновь задев меня полами мантии, пошел прочь. А я поторопилась к себе.

В этот раз Долорсдон меня не провожал. Видимо, считалось, что теперь я и сама могу найти дорогу. Планировка замка действительно была не слишком сложной, но одинаковые коридоры сбивали с толку и заставляли вспомнить кошмар, который приснился мне в день второго обручения. Поднимаясь на верхний этаж, я боялась столкнуться с человеком в черном плаще с капюшоном.

Однако я ни с кем не столкнулась и спокойно дошла до своей комнаты. Лишь взявшись за ручку двери, услышала едва уловимый шепот, сравнимый с дуновением ветра:

– Нея…

Я резко повернула голову на звук и почувствовала, как внутри все холодеет.

Она снова была здесь. Та самая девушка, уже являвшаяся мне в зеркале. Бледная, с темными волосами, в беспорядке свисающими по обе стороны лица, в черном платье с пышной юбкой. Только теперь она смотрела на меня не из зазеркалья. Она стояла в конце коридора.

Я судорожно вдохнула, пытаясь удержать рвущийся наружу крик. Незнакомка словно поняла это и приложила палец к губам, давая знак соблюдать тишину. А потом поманила к себе рукой.

У меня ноги отнимались от страха, поэтому я стояла

на месте как вкопанная, вцепившись в ручку двери, чтобы не упасть. Я умоляла Богиню или прогнать видение, или послать сюда кого-нибудь… живого, но коридор оставался пуст, а девушка все стояла и безмолвно звала меня. Я видела, что она не открывает рот, но моего уха вновь коснулось едва слышное:

– Нея… Помоги…

– Ч-что я могу с-сделать? – заикаясь даже сильнее, чем во время разговора с Фолкнором, прошептала я.

Наверное, видение – или призрак? – приняло это за согласие. Девушка повернулась и медленно пошла по коридору. Скорее, даже поплыла. Я снова резко втянула в себя воздух, испытывая непреодолимое желание скользнуть в комнату, закрыть за собой дверь, запереться на задвижку и не выходить до утра, наплевав на необходимость умываться.

Только от призраков запертые двери не спасают. И если я хотела понять, что от меня нужно таинственной Невесте, мне следовало пойти за ней.

Поэтому с замирающим в груди сердцем я шагнула вперед.

Глава 9

В глубине души я надеялась, что когда дойду до поворота, незнакомка исчезнет. Но она была там. Стояла в противоположном конце нового коридора и смотрела на меня. Ждала. Обхватив себя руками за плечи, чтобы унять дрожь, я пошла к ней. Несколько секунд она стояла неподвижно, потом повернулась и двинулась дальше.

Так мы и шли некоторое время. Она всегда оставалась на приличном расстоянии впереди. Показывала направление. Ждала, если я замедляла шаг, мучаясь от страха и сомнений. Мы пересекли почти весь третий этаж, спустились по лестнице, снова прошли и теперь уже поднялись по лестнице. Я больше не понимала, где нахожусь. Это еще школьное крыло? Или мы успели перейти в основную часть замка?

Наконец после очередного поворота я увидела ее не в конце коридора, а неожиданно близко. Достаточно, чтобы как следует рассмотреть и убедиться, что она не из плоти и крови: теперь стало видно, что она полупрозрачная.

Она стояла напротив одной из дверей и смотрела на нее. Я снова замерла на месте. Мне оставалось сделать каких-то десять шагов, но я боялась приближаться к призраку.

– Чего ты хочешь от меня?

Она молчала. Молчала и смотрела на дверь. Я понимала, что должна войти в комнату, но от страха уже едва могла

дышать, поэтому солгала:

– Я не понимаю, чего ты хочешь…

Ее голова резко повернулась ко мне, наши взгляды встретились, и я почти физически ощутила гнев незнакомки. Он обрушился на меня ледяной волной и кровавой пеленой перед глазами, яркой вспышкой и резкой болью где-то в районе солнечного сплетения. Я охнула и согнулась пополам, плотно зажмуриваясь. В голове тут же замелькали картинки из того сна, в котором я бежала по коридорам от мужчины в черном плаще. И теперь я поняла, что в том сне я проделала тот же путь, что и сегодня… Вслед за девушкой в черном платье.

Когда боль отпустила, а я снова смогла открыть глаза и вдохнуть, девушки передо мной уже не оказалось. Возможно, она поняла, что пока она не уйдет, я не приближусь к нужной двери.

Еще один глубокий вдох, десять шагов, металлическая дверная ручка, показавшаяся ледяной, скрипучие петли. Я вошла в темное помещение и едва не закричала, нос к носу столкнувшись с еще одним призраком: на этот раз светловолосой девушкой в лиловом платье с огромными перепуганными глазами. Не закричала только потому, что успела осознать: это же я. Света в коридоре было мало, а в комнате не было совсем, поэтому я не сразу увидела раму зеркала, в котором отражалась. Оно стояло прямо напротив входа, на противоположной стороне комнаты. Как в моем сне.

Я пошарила рукой по стене и нащупала крошечный рычажок выключателя. Щелчок – и комнату залило тусклым светом одинокой лампочки под потолком. Я оглянулась по сторонам: комната походила на какой-то склад или хранилище. Здесь пылилась старая мебель: я приметила большой платяной шкаф, несколько столиков разного размера и формы, составленные друг на друга стулья, продавленное кресло. Какие-то вещи были зачехлены, другие стояли так. Коробки, вероятно, с какой-то мелочевкой, стояли на полу и на столах. Лампочка под потолком висела голой, без абажура. Судя по толстому слою пыли на мебели, здесь если и убирались, то нечасто.

И все-таки кто-то здесь регулярно бывал и последний раз заходил недавно: в пыли на полу была протоптана дорожка. Она вела от двери к тому самому зеркалу, в котором я увидела свое отражение.

Этот предмет выбивался из общего ряда. Хотя бы потому, что остальные вещи выглядели вполне обычными, а рама зеркала была исписана все теми же символами языка Богов, какие покрывали раму зачарованного зеркала у меня дома.

Почему оно хранится тут, а не в зале обрядов?

Я осторожно приблизилась к нему, скользя взглядом по надписям. Конечно, я не могла определить, такие же они, как на нашем зеркале, или чем-то отличаются, но теперь я хотя бы отличала буквы.

А еще я поняла, что древние слова вырезаны на раме

недавно. Кто-то превратил обычное зеркало в волшебное? Зачем? И кто мог это сделать?

Я намеренно сосредоточила внимание на раме, потому что до дрожи в коленях боялась увидеть в отражении за моим плечом шеда Фолкнора. Как в том сне. Не знаю почему, но мне казалось, что мое присутствие здесь его не обрадует.

Понять бы еще, что мне хотела показать здесь девушка в черном? Зеркало или что-то еще?

Я еще раз посмотрела по сторонам, но взгляд ни за что не цеплялся. А когда я снова повернулась к зеркалу, то все-таки тихо вскрикнула, но тут же зажала себе рот рукой.

В отражении за моим плечом действительно кое-кто стоял, но совсем не мой жених. Это была молодая женщина в длинной белой ночной сорочке. Такая же бледная, как и незнакомка в черном платье, но это определенно была другая женщина. Она смотрела на меня сквозь зеркало почти полностью выцветшими, казавшимися прозрачными глазами. Подол ее сорочки был пропитан кровью. Она протянула ко мне руки, и на них тоже была кровь.

– Помоги… – снова услышала я тихий шелест, хотя губы женщины оставались плотно сжаты.

Сердце зашлось в груди, мне казалось, оно вот-вот разорвется от страха. Я резко обернулась, но комната за моей спиной, конечно, оказалась пуста.

И без того тусклый свет мигнул. Я подняла голову и бросила на лампочку умоляющий взгляд: в этом кошмаре с

мертвыми женщинами мне не хватало только остаться в кромешной темноте. Однако лампочка осталась глуха к моим молитвам и медленно погасла, как гаснет догоревшая свеча. В то же мгновение дверь комнаты захлопнулась с оглушающим стуком.

Я оказалась в ловушке. Меня окружала непроницаемая темнота и такая же плотная тишина, нарушаемая лишь моим неровным дыханием. Все мое тело казалось парализованным. Я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, ни тем более сдвинуться с места. Лишь почувствовала, как по щеке скатилась горячая слеза.

Позвать на помощь я тоже не могла: паралич распространялся и на голосовые связки. Я не знала, как до сих пор дышу и почему сердце еще бьется, пусть и с огромным трудом.

Не знаю, сколько я простояла так, дрожа в темноте. По ощущениям – целую вечность, но, возможно, пролетела лишь пара секунд. Я чувствовала, что в комнате не одна: помимо моего дыхания, подозрительно похожего на позорное тихое скуление побитой собаки, был еще какой-то звук. Я перестала дышать и прислушалась: рядом со мной раздавался едва слышный шорох, похожий на шуршание пышных юбок. Я сразу подумала о платье девушки в черном.

Мою шею обдало ледяным дыханием, волоски на ней встали дыбом, а я закусила губы, будучи все еще не в силах пошевелиться.

– Он идет, Нея… – раздался рядом с моим ухом тихий

шепот. – Прячься.

Из коридора действительно донесся звук чьих-то торопливых шагов. Они приближались к комнате. Рядом со мной в темноте скрипнула дверца. Я вспомнила, что в той части комнаты стоял большой старый шкаф.

Меня снова обдало холодом, все тело закололо крошечными иголочками. Довольно неприятно, но зато это ощущение помогло мне сбросить с себя оцепенение. Я повернулась на скрипящий звук и в темноте на ощупь попыталась найти тот шкаф. Конечно, я несколько раз чувствительно ударилась ногой о что-то невидимое для меня, но все же добралась до своей цели. Я скользнула в тесное пространство, и дверца сама захлопнулась за мной, как и открылась перед этим. И в следующее мгновение распахнулась дверь комнаты.

Я слышала, как щелкнул выключатель, но свет не загорелся. Выключатель щелкнул еще раз – и лампочка под потолком все-таки вспыхнула. И вот странность: когда я стояла в комнате, ее свет казался мне слишком тусклым, а теперь, когда я пряталась в шкафу, он вдруг стал для меня слишком ярким. Между дверцами шкафа была довольно крупная щель, и мне казалось, что через нее меня обязательно увидят. При таком-то ярком освещении!

Снова раздался звук шагов, скрипнула и тихо закрылась дверь в комнату. Я прижалась к стенке шкафа, но при этом попыталась увидеть того, кто вошел, в щель между дверцами.

И увидела. Мне пришлось зажать рот ладонью, чтобы не выдать себя случайным вздохом или тихим всхлипом. Потому что теперь здесь был и он: мужчина в черном плаще, с надвинутым на лицо капюшоном. Во сне я решила, что это Торрен Фолкнор, но теперь сомневалась в этом.

Он ведь пошел к себе, так? Тогда что он может делать здесь?

«Так ведь ты тоже пошла к себе, но ты все равно здесь», – резонно заметил внутренний голос, который вновь подозрительно походил на голос всегда логичной и рациональной Розы.

Аргумент показался мне разумным, но совершенно неразумно выглядело то, что в собственном замке верховный жрец ходит в черном плаще с капюшоном, как будто прячется от кого-то. Так делают, чтобы не попасться на глаза, те, кто не хочет, чтобы их видели в определенной части замка. Или в замке вообще. Но хозяин дома ведь может ходить везде. Кого ему бояться? От кого скрываться?

Тем временем неизвестный прошелся по комнате, замер и настороженно оглянулся по сторонам. Я снова перестала дышать. Кажется, он понял, что в комнате есть кто-то еще, и теперь станет меня искать. Мужчина сделал несколько осторожных шагов, медленно приблизившись к шкафу, а я сползла по стенке вниз, присев на корточки, чтобы меня не было видно. Конечно, это не спасет меня, если он решит открыть шкаф, а ведь неизвестный уверенно шел к нему.

Откуда он знает, что я здесь?

Едва вопрос оформился в моей голове, я сразу поняла: следы! Как я обратила внимание на протоптанную дорожку в пыли на полу, так и он мог заметить новый след, ведущий к шкафу.

Сквозь щель я видела, как мужчина подошел вплотную и дернул дверцу. Я закрыла глаза. Совсем как детстве, когда еще боялась монстров из древних сказок. Я росла довольно впечатлительным ребенком, а няня любила рассказывать нам на ночь всякие страшилки. Мне потом порой казалось, что в моей комнате кто-то есть. Чаще всего я убегала к брату, и Корд прятал меня под своим одеялом и, вооружившись игрушечным рыцарским мечом, обещал защищать. Но иногда мне было слишком страшно, чтобы слезть с кровати, и тогда я просто зажмуривалась. Если не вижу я, то не видят и меня – такая вот детская логика.

Дверцу дернули еще раз, и я приоткрыла один глаз, поскольку ни скрипа, ни потока света не заметила. Шкаф не открывался, как будто кто-то замкнул замок.

Или держал дверцы.

Их дернули еще раз, уже сильнее, но они снова не поддались. А потом раздался оглушительный грохот. Послышались громкий мяв и приглушенная ругань. Настолько приглушенная, что я не разобрала толком слов и не смогла узнать голос.

Зато мужчина потерял интерес к моему шкафу. Решил,

что наследил кот? Или предположил, что раз шкаф заперт, то здесь никто не может прятаться? Я не знала наверняка, но была рада увидеть, как он уходит.

Сквозь щель я видела, как неизвестный подошел к зеркалу, поднял с пола чехол и закрыл его. Потом он взял что-то со стола, стоявшего рядом с зеркалом, и торопливо направился к двери.

Выключатель снова щелкнул, погрузив комнату в темноту, дверь, скрипнув, отворилась и сразу захлопнулась. Послышались удаляющиеся шаги. Стоило им стихнуть, как заскрипела, отворяясь, дверца моего укрытия. Мне давали знак, что можно выходить, но я не двинулась с места.

Я так и сидела на дне шкафа, в темноте, обхватив руками колени и прижавшись спиной к задней стенке. Меня трясло от пережитого ужаса, я никак не могла заставить себя подняться. Я вспоминала прикосновение ледяного дыхания, женщину в окровавленной ночной сорочке, существовавшую только в отражении, и мне очень хотелось проснуться от этого кошмара, обнаружить себя в собственной постели.

Но время шло, а я все не просыпалась. Зато и мертвые женщины больше никак себя не проявляли. Постепенно я успокоилась, поняла, что слишком замерзла, чтобы сидеть тут и дальше, и все-таки выбралась из своего убежища. Все еще на ощупь добралась до двери, снова ударившись о невидимые препятствия. Я очень хотела поскорее уйти отсюда,

но взявшись за ручку двери, нерешительно замерла и после секундного колебания снова нашарила выключатель.

Когда тусклый свет послушно вспыхнул, я вернулась к зеркалу. Снимать чехол не стала, потому что само зеркало меня не интересовало. Меня интересовал столик, стоявший рядом с ним. Неизвестный что-то взял с него. Я не видела, что именно, но я ведь видела столик перед этим, когда осматривала комнату. Может, я смогу понять, чего не хватает?

Место, с которого мужчина что-то забрал, я определила сразу все тем же способом: по потревоженной пыли. Но сколько я ни пыталась вспомнить, скользя взглядом по другим предметам, я не смогла воскресить в памяти вид столика до прихода неизвестного. Сейчас здесь стояли разные коробочки, шкатулочки, лежали старые потрепанные книги. Вероятно, то, что отсюда забрали, не выбивалось из общего ряда. Да и судя по следу, оно было прямоугольной формы.

– Может быть, именно эту вещь вы и хотели мне показать? – прошептала я, обращаясь к мертвым незнакомкам. Сейчас я почти не сомневалась в том, что это прежние жены шеда.

Лампочка под потолком мигнула, как будто в знак согласия. Я едва не подпрыгнула на месте и почти бегом кинулась к двери, чуть не забыв выключить свет.

Как вернулась в комнату, я толком не помнила. Пришлось поблуждать по коридорам. К счастью, я никого в них не встретила, но все равно едва не разревелась от облегче-

ния, когда добралась до нашего общежития. И лишь заперев дверь на задвижку, я смогла спокойно выдохнуть.

Постояв немного у двери и подумав, я шагнула к кровати и достала из-под нее саквояж, в котором так и остался лежать подарок Розы. Я вытащила плоскую шкатулку, раскрыла ее и посмотрела на револьвер. Потом нерешительно взяла его в руки, примеряясь.

Меня, конечно, никогда не учили стрелять. Даже держать оружие в руках. Роза сказала, что нужно не закрывать глаза и подпускать достаточно близко, чтобы точно попасть, но при этом так, чтобы меня не могли разоружить. Я, конечно, видела, как стреляет она сама: время от времени Роза упражнялась в моем присутствии. Поэтому общее представление о том, куда нажимать и откуда вылетает пуля, я имела.

Только не понимала, как смогу носить его с собой. У Розы для этого имелась специальная кобура. Вряд ли я смогу купить себе такую же. Да и жених едва ли поймет, если я начну разгуливать по замку с такой штукой. Примотать к бедру? Нет, будет слишком заметно. Уж лучше к голени. Тогда с длинным платьем, если оно будет достаточно свободным, пистолет могут не заметить.

Из моей груди вырвался то ли вздох, то ли стон. Кому я вру? Как я смогу носить такое на себе? И смогу ли вообще выстрелить в человека?

Я положила револьвер обратно в шкатулку, убрала ее в саквояж, а саквояж – под кровать. Пока у меня нет подходя-

щей одежды, думать об этом все равно бессмысленно.

Выпрямившись, я с удивлением обнаружила, что на моей кровати лежит то, чего раньше там не было. В возбуждении после своей «прогулки» я не сразу заметила сложенную на кровати одежду. Теплый толстый свитер вроде тех, что носили другие ученики, и штаны из плотной ткани. Конечно, черные.

Кажется, жених всерьез обеспокоился тем, что я могу себе что-нибудь застудить. Его жест мог бы показаться милым, если бы я не понимала: он заботится о своих будущих наследниках, а не обо мне.

Что ж, это не значит, что я не могу принять его заботу, раз уж оказалась в такой ситуации. Отвергать свитер я точно не собиралась. Едва ли я осмелюсь надеть штаны, но с той прямой юбкой, в которой я приехала в замок, свитер тоже будет смотреться хорошо.

Вещи следовало убрать в шкаф, но я успела сделать всего несколько шагов к нему, прежде чем снова удивленно остановилась.

На письменном столе стояла большая корзина с фруктами. Та самая, что украшала сегодня наш стол за ужином. И на которую я бросила всего один быстрый взгляд в самом конце. Значит, шед его все-таки заметил.

Глава 10

Я так и не смогла заставить себя выйти из комнаты вечером, поэтому легла спать, не умываясь. Полночи не сомкнула глаз, крутила в голове все произошедшее. В основном перед глазами стояли лица мертвых женщин, которые что-то пытались мне сказать или показать. Они просили меня о помощи, но чем я могла им помочь, я не представляла. И как со всем этим могло быть связано зеркало?

Меня мучили и мысли о человеке в черном плаще. Кто он? И чего хочет? Что он делал в той комнате? И почему женщины сначала привели меня туда, а потом прятали от него? Что он забрал со столика?

Самым ужасным было то, что я ни с кем не могла поговорить обо всем этом. Никому в Фолкноре я не доверяла и не понимала обстановку. Здесь определенно происходит что-то странное и опасное для меня, но от кого именно исходит угроза, я пока не знала.

Поначалу я была уверена, что бояться стоит жениха, но теперь сомневалась. Хотя он оставался для меня совершенно непонятным. По письму он показался вполне вежливым и разумным, но ни того, ни другого я не могла сказать ни по нашей первой встрече, ни по второй. Он вел себя так, словно это меня ему навязали, а не он себя мне навязал. Как будто это я вторглась в его жизнь и разрушила ее. Почему?

Ответ пришел сам собой: он женится на мне, потому что я ему подхожу, но то, что ему подхожу именно я, его по какой-то причине злит. По какой? И почему ему подхожу именно я? Почему он так торопится с обручением, хотя ему еще полгода соблюдать траур?

А если он не собирается его соблюдать? Эта мысль пугала больше всего и долго не давала мне уснуть.

Как и следовало ожидать, утром с постели я встала уставшая и разбитая. Болела голова, а серая хмарь за окном повисала на и без того тяжелых веках пудовыми гирями, тянула обратно в постель, под одеяло. Спать!

Но я заставила себя встать. От головной боли избавилась, приложив кончики пальцев к вискам: дар целительства – это весьма полезная вещь. Быстрое умывание прохладной водой и один сладкий сочный апельсин вернули мне бодрость. А благодаря теплому свитеру я пошла на завтрак, не дрожа всем телом. И поскольку сегодня внимания к моей персоне было не так много, как накануне, я смогла нормально поесть: на этот раз я не постеснялась узнать, что в кастрюле, а в ней оказалась вполне приемлемая каша.

В этот день занятия у нас были лишь до обеда. Первое оказалось чисто теоретическим: обряды жрецов Некроса. Честно говоря, я совершенно не поняла, для чего их преподают: никто в этой школе не мог стать жрецом. Хотя бы потому, что жрецами не становятся, а рождаются. Ты можешь приручить Силу, выучить на зубок слова и действия всех обрядов,

но если ты не принадлежишь к роду, который когда-то был избран Богами для служения им, то жрецом ты все равно не станешь. Но зато теоретическое изучение обрядов означало, что головы летучим мышам мы здесь отрезать точно не станем. А поскольку я выросла в Доме жреца, многие обряды видела с детства и прекрасно знала, мне было проще в них разобраться, чем в языке Богов или в искусстве создания печатей. Пусть обряды Некроса и отличались от обрядов Виты.

Зато следующий предмет заставил меня снова похолодеть внутри. Он назывался «Призыв и управление духом», и это воскресило в памяти события предыдущего вечера.

Сегодня нам рассказывали о правилах и ограничениях призыва. Так я узнала, что невозможно вызвать и заставить служить себе дух более сильного мага или жреца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.